

Лицей

первый
выпуск 2017

ЛОТТЕ РУС
HOTEL & CONFECTIONERY

Литературная премия "Лицей"
имени Александра Пушкина
для молодых писателей и поэтов

**Кристина Гептинг
Дана Курская
Владимир Косогов
Евгения Некрасова
Григорий Медведев
Андрей Грачев**

**Лицей 2017. Первый
выпуск (сборник)**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34115680

*Лицей 2017. Первый выпуск / предисл. Янг Сока, Владимира Григорьева,
Павла Басинского: АСТ : Редакция Елены Шубиной; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-982408-4*

Аннотация

6 июня 2017 года, в день рождения Пушкина, на главной сцене Литературного фестиваля на Красной площади были объявлены шесть лауреатов новой литературной премии для молодых писателей “Лицей”.

В книгу включены тексты победителей – прозаиков Кристины Гептинг, Евгении Некрасовой, Андрея Грачева и поэтов Владимира Косогова, Даны Курской, Григория Медведева.

Содержание

Дорогие читатели!	5
Каждый год, 6 июня...	7
“Здравствуй, брат! Писать очень трудно!”	9
Номинация Проза	19
Кристина Гептинг	19
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Лицей 2017. Первый выпуск (сборник)

Издание осуществлено в партнерстве с Литературной премией “Лицей” имени Александра Пушкина для молодых писателей и поэтов и группой компаний “ЛОТТЕ” в России

© Гептинг К., Косогов В., Некрасова Е., Курская Д., Грачев А., Медведев Г.

© Янг Сок, предисловие

© Григорьев В., предисловие

© Басинский П., предисловие

© Бондаренко А., художественное оформление

© ООО “Издательство АСТ”

* * *

Дорогие читатели!

У вас в руках сборник произведений лауреатов первого сезона Литературной премии “Лицей” имени Александра Пушкина.

История появления премии связана с открытием в ноябре 2013 года в самом центре Сеула, на площади напротив “Лотте Отеля”, памятника Александру Пушкину. Именно благодаря этой символической связи в 2017 году компанией “Лотте Групп” была создана премия “Лицей” для выявления талантливых молодых писателей и широкого распространения русской литературной традиции.

Успешно завершился первый сезон премии, мы собрали 2027 работ и узнали имена новых молодых писателей. Я благодарю Председателя Наблюдательного совета Сергея Степашина, специального представителя Президента Российской Федерации по международному культурному сотрудничеству Михаила Швыдкого, Заместителя руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Владимира Григорьева, Чрезвычайного и Полномочного посла Республики Корея Пак Ро Бёка и всех членов Наблюдательного совета премии и Дирекции премии за их помощь и содействие, а Совет жюри и Совет экспертов – за их усилия в выборе лучших произведений. Благодарю всех представителей литературной среды и журналистов, которые освеща-

ли нашу премию в СМИ и предоставляли информационную поддержку.

Также я бы хотел сердечно поздравить шестерых лауреатов, чьи произведения вошли в этот сборник. Я желаю, чтобы их литературная карьера с этого момента бурно развивалась и они смогли стать одними из самых выдающихся современных авторов в России. Надеюсь, что и на этом победители не остановятся, а будут стремиться к международному признанию.

Генеральный директор АО "ЛОТТЕ РУС"

Янг Сок

Каждый год, 6 июня...

Никто не мог поверить, что уже 6 июня этого года на сцену выйдут лауреаты премии “Лицей”. Открою небольшой секрет: премия “Лицей” создавалась буквально “с колес”. Январскими холодными вечерами мы сидели и придумывали ее с партнерами и коллегами. И придумали!

Результат поразил: более двух тысяч рукописей молодых ребят со всей страны и не только из России поступило на соискание в двух номинациях – “Проза” и “Поэзия”.

Уже в конце мая наше жюри – Павел Басинский, Роман Сенчин, Михаил Визель, Максим Амелин, Евгений Бунимович, Мария Ватутина, Шамиль Идиатуллин, – проведя феноменальную работу, бросив все свои обязанности, отобрали победителей.

Это премия для поиска молодых талантов. Это премия для лицеистов, которые будут “свежей кровью” в большой русской литературе. Запомните имена, вошедшие в этот сборник. Кто знает, через 10–15 лет ими, возможно, будет гордиться не только наша страна, но и весь мир.

А пока мы надеемся, что авторы-победители премии “Лицей” смогут сосредоточиться исключительно на литературе, смогут развивать свой талант... Мы ждем от них новых повестей, рассказов, стихов. И не только от тех, чьи имена сегодня названы как победителей, но и всех тех, кто вошел в

короткий и длинный списки.

И, конечно же, я не могу не воспользоваться случаем, чтобы поблагодарить компанию “ЛОТТЕ РУС”, нашего спонсора.

Я надеюсь, что каждый год, 6 июня, мы будем собираться на Красной площади в рамках Книжного фестиваля, чтобы награждать победителей премии “Лицей”.

*Заместитель Руководителя Федерального агентства по
печати и массовым коммуникациям
Владимир Григорьев*

“Здравствуй, брат! Писать очень трудно!”

6 июня 2017 года, в день рождения Пушкина, на главной сцене Литературного фестиваля на Красной площади были объявлены шесть лауреатов новой литературной премии для молодых писателей “Лицей” – трое в области поэзии и трое в жанре прозы. Общий премиальный фонд премии составляет почти 5 миллионов рублей. Первый лауреат в каждой номинации получил 1,2 млн, второй – 700 тысяч и третий – 500 тысяч.

Я знаю, что у многих это вызывает раздражение. За какие такие заслуги?!

Вопрос этот риторический. Я знаю, что жить одним писательским трудом не может практически никто. И я также знаю, что молодой человек, который всерьез решил посвятить свою жизнь литературе, в бытовом отношении рискует оказаться полным “лузером”. И хорошо еще, если ему об этом не будут слишком часто говорить супруга и дети.

Напомню начало одного из самых ранних стихотворений Пушкина, которое он написал в 15 лет (а это, кстати, “нижний порог” для номинантов):

Арист! и ты в толпе служителей Парнаса!

*Ты хочешь оседлать упрямого Пегаса;
За лаврами спешишь опасною стезей
И с строгой критикой вступаешь смело в бой!
Арист, поверь ты мне, оставь перо, чернил,
Забудь ручьи, леса, унылые могилы,
Чтоб не слететь с горы, скорее вниз ступай!
Довольно без тебя поэтов есть и будет;
Их напечатают – и целый свет забудет...*

Как председатель жюри премии “Лицей” этого года (председатель и жюри будут ежегодно меняться) я душевно рад за 20 финалистов этой новой и ни на что не похожей премии. Еще более я рад за лауреатов. Но и, честно говоря, тревожусь за них. А потом? Или они всерьез думают, что к ним толпами побегут издатели? Их станут узнавать на улицах и просить расписаться на своих книгах, которые будут у каждого прохожего под мышкой? Наконец, просто – что они станут ПИСАТЕЛЯМИ?

Совсем необязательно. Просто в день рождения нашего самого светлого гения литературная судьба коротко улыбнулась им. И эта улыбка дорогого стоит (не в деньгах!). Но что будет потом, не знает никто. Не знал даже Пушкин.

Премия “Лицей” делает правильное дело. Для молодого писателя она как воплощение образа мечты, а без мечты не может быть сладости творчества, а без сладости – зачем творчество? Уж лучше каким-то более надежным и прибыльным делом заняться.

Но главное в творчестве – не сладость, конечно.

Особенно сегодня, когда писать стало очень трудно. И становится тем труднее, чем легче долбить пальцами по клавишам компьютера, когда буквы на экране монитора выскакивают сами собой, слова ложатся бойко, строчки бегут быстро...

Если уж Пушкин жаловался, что поэтов “довольно есть” (это в его-то время, когда профессиональных писателей в строгом смысле вообще не было), то что говорить о сегодняшнем дне? Побывайте один раз на Франкфуртской книжной ярмарке, и вы увидите, что в мире ежегодно издаются миллионы художественных книг. И стихов, и романов, и нон-фикшн. А читателей всё меньше и меньше.

Молодым писателям вступать в литературу нынче трудно еще потому, что современный мир забит миллионами слов. Они – везде! В интернете, в телевизоре, в рекламе, в метро и даже в лифте, если вы там не один. И если вы думаете, что всё это не имеет к литературе никакого отношения, то вы, может быть, и счастливы как писатель, но, простите, не умны. Литература создается из тех же самых слов и порой из тех же самых смыслов. Когда Достоевский писал “Бесы”, он не Гомера перечитывал, а номера свежих газет. “Анна Каренина” родилась из провинциального скандала о самоубийстве Анны Пироговой, любовницы соседа Льва Толстого по имени. Стихи Некрасова рождались из разговоров крестьянских старух. А стихи Маяковского рождала улица “безъязы-

кая”, с которой поэт стирал “чахоткины плевики шершавым языком плаката”.

Но даже если вы собираетесь сидеть в башне из слоновой кости и писать “вечное” и “нетленное”, имейте в виду, что башен таких за время существования мировой литературы уже выстроен микрорайон размером... примерно с Чертаново.

На пресс-конференции во время объявления “короткого списка” кто-то из журналистов задал вопрос, который я тоже слышу очень часто. “Чего вы ждете от молодой литературы? Какие в ней тенденции?” Нет у меня ответа на этот вопрос. Никакие тенденции никогда не рождали настоящую литературу. Это уже потом критики соображают, что вот это произведение родило какую-то тенденцию. Главное в литературе – это талант (но это всего лишь условие, как музыкальный слух), труд и личность автора. Именно в такой последовательности. И еще скажу шепотом: главное в литературе – ИНТОНАЦИЯ. Это – в прозе. В поэзии это называется – ГОЛОС. Но как добиться своей интонации и своего голоса, я не скажу. Я сам этого не знаю. И никто не знает.

А о чем писать, о ком, какие проблемы поднимать и в каком жанре – это вообще сугубо личное дело. Можно написать о Тамерлане, а будет читаться как про сегодняшний день. Можно написать о том, что вроде современно, а будет разить нафталином. Потому что современность была всегда. И ее было очень много. А вот крупных писателей почему-то

всегда было очень мало. Но проблема еще и в том, что и крупных писателей за несколько веков существования литературы набралось уже довольно много. Хотя не Чертаново, конечно.

И завидую, и не завидую я финалистам и лауреатам... “Здравствуй, брат! писать очень трудно!” – так приветствовали друг друга члены одной очень интересной литературной группы советских лет “Серапионовы братья”.

Тексты всех шести лауреатов несложно найти в интернете. К моменту награждения они были выпущены книгами ограниченным тиражом. Но одно дело – “цифра” и “подарочный” бумажный тираж, и совсем другое – полноценный сборник, да еще и в “Редакции Елены Шубиной”. Это уже настоящая путевка в Большую литературу.

Выбор жюри был, поверьте, непростой, даже после почти героической работы Экспертного совета, отобравшего двадцать работ из более двух тысяч, присланных на конкурс. Но если жюри в чем-то и ошиблось, а в него входили очень серьезные литераторы: Максим Амелин, Евгений Бунимович, Мария Ватутина (поэзия), Михаил Визель, Шамиль Идиатуллин, Роман Сенчин (проза), – лично мне не стыдно за наш выбор.

Несколько проще мне говорить о прозе. Три очень разных и очень талантливых текста. Они, как мне кажется, отражают то, что происходит в современной прозе в целом.

Первое место – Кристина Гептинг из Великого Новгоро-

да. Повесть “Плюс жизнь”. Написана от лица юноши, ВИЧ-инфицированного от рождения. Звучит страшно. Другой писатель непременно сделал бы из этой темы такую “пугалку” о страшной России, где все темно и беспросветно. Но пришло какое-то новое поколение писателей. Они не “врачи” и даже не “боль”, говоря словами Герцена. Они берутся за социальные темы просто потому, что не вправе быть равнодушными. Берутся энергично, спокойно, даже деловито. Как волонтеры, показанные в последнем фильме Андрея Звягинцева “Нелюбовь”. Умные сосредоточенные лица, понимание ситуации, отсутствие лишних действий. Так же и повесть Гептинг – скупа на детали. Она не “давит”, не пугает. Она рассказывает. И даже советует. Как жить с этими людьми.

Чтобы оставаться людьми.

Проза Евгении Некрасовой из Подмосковья (второе место) – иного рода. Повесть “Несчастливая Москва” и несколько циклов рассказов. Ее прозу определяют так: новый магический реализм + фольклор + эксперимент. Традиции Платонова, Кафки, отчасти недавно ушедшего от нас Мамлеева, влияние Сорокина, который влияет на современную прозу сильно. Очень яркий, “авторский” язык. Для Гептинг важен не стиль, а тема, которая стиль и задает. Для Некрасовой важен стиль...

И, наконец, москвич Андрей Грачев со сборником рассказов “Немного о семье”. Грачев не боится писать просто о

простых людях и простых вещах. Не боится описывать производство. Не боится “бытовухи”. Его взгляд на мир как будто банален, но это – обманчивое впечатление. Меня удивили два его рассказа – “Муж” и “Жена”. Муж любит жену, а она его – нет. Жена любит мужа, а он – нет. Всё просто. Один (одна) любит, другой (другая) – принимает любовь как должное и смотрит в сторону. Но вот, знаете, ничего более точного о семье я не читал. Так ведь и есть. К сожалению.

Сложнее с поэтами. Их сегодня так много, так много... Но на поэте из Курска Владимире Косогове (ударение на третьем слоге) члены жюри сошлись единогласно. Косогов называет себя в стихах “акмеистом седьмого дня”. Это неоклассицизм. Нет случайных слов, случайных рифм, случайных строк. “Классическая роза”, привитая Владиславом Ходасевичем к “советскому дичку”, расцвела и не боится морозов.

*Колодец деревенский, перекошенный
Застрял от дома в десяти шагах.
И смотрит в воду ягодою сброшенной
Кустарник на дубовых костылях.*

*И мой отец без посторонней помощи
Тягучий ил со дна таскал киркой,
Чтоб ковш небесный, безнадежно тонущий,
К утру достал я детскою рукой.*

Дана Курская (второе место) пишет стихи так, что их, конечно, лучше не читать, а слушать в авторском исполнении. В широком смысле это называется “слэм”, когда реакция публики на музыку или стихи так же важна, как они сами. Так слушали поэтов-“эстрадников” в 60-е годы. Потом это ушло, подверглось ostracism, в моду вошло чтение медленное, “с листа”. Сегодня эта традиция возвращается, как и мода на поэтические концерты. Но стихи Курской – не вполне “слэмовые”. Они и “с листа” хороши...

*За гробом нету ни черта
ни ангела с трубою
какие там еще врата
никто от люльки до креста
не свяжется с тобою*

*прощаться надо навсегда
по векам и минутам
какого там еще суда
ты ни туда и ни сюда
и никого не ждут там*

*и только пыльный василек
растущий за оградой
хоть синий глаз его поблек
встает безверью поперек
не тронь его
не надо.*

Третье место – Григорий Медведев, цикл стихов “Карман-ный хлеб”. Стихи камерные. Поэзия дома, двора, школьной парты, семейного стола... “Удобное мироустройство”, как пишет поэт. Почему-то вместе вспоминаются Сергей Есенин и Осип Мандельштам, которых, кстати, напрасно противопоставляют. Мир, из которого всегда что-то уходит, но и всегда самое важное остается...

*Две дубовые балки
держат над головой
потолок этот жалкий,
уголок родовой...*

*Неподвижные бревна,
тот же вид за окном,
но я вижу подробно,
что уменьшился дом.*

*Убывает как будто
за хозяином вслед,
потому – ни уюта,
ни тепла уже нет.*

Шесть молодых писателей. Три поэта, три прозаика. “Редакция Елены Шубиной”. Жизнь продолжается.

Председатель жюри премии “Лицей”

Павел Басинский

Номинация Проза

Первое место

Кристина Гептинг

Плюс жизнь

Повесть

Часть первая

Мне так уютно среди женщин, которым за тридцать, ближе к сорока. Мне приятны их мягкие обиталища – бухгалтерии, отделы кадров. Чай, печенье, каталоги “Avon”, тихонько играет какое-нибудь “Дорожное радио”...

– Пиши автобиографию, – сказала мне одна из милых сотрудниц отдела кадров областной больницы и протянула разлинованный листок.

– А что писать-то? – спрашиваю. – И... это... Вы, может, забыли, но я санитаром устраиваюсь, а не главврачом.

– Ой, правда, а мы и не знали, – подхватывая мой шуточный тон, продолжает приятная женщина. – Так положено. У нас и санитары пишут, где и когда родился, кто родители,

какое образование... В свободной форме. Только без ошибок постарайся.

– Да ладно, всё равно это никто не читает, пиши там что хочешь, – рассмеялась из-за дальнего стола другая кадровичка, совсем молодая.

Я пожевал казённую авторучку и принялся за дело:

“Я родился 20 августа 1997 года. Город не платил за свет в течение нескольких лет, и терпение энергетиков лопнуло. В тот вечер роды в роддоме принимали при свечах. Мою маму привезли туда с сильнейшими схватками в состоянии героиновой ломки – “Скорую помощь” вызвали прохожие. Врачи сразу заподозрили в ней ВИЧ-положительную – много их стало в последние годы. Рожать отправили в неработающую душевую. Врач и акушерка надели по две пары перчаток. Вскоре родился двухкилограммовый я с признаками героиновой ломки. Меня перевели в детскую больницу, а маму оставили ломаться в душевой.

Через пару дней пришел её анализ на ВИЧ. Естественно, плюсовой. У меня тоже нашли антитела к ВИЧ. Однако через месяц выписали из больницы – ломку согнали, вес я набрал, что они ещё со мной могли сделать?.. Сказали: надо верить в лучшее – что на самом деле я не заразился и мамины антитела к полутора годам уйдут.

Нас с мамой встречала бабушка. С цветами. Она, как и заповедовали врачи, верила в лучшее. Ради ребёнка мама одумается, оставит наркотики и допишет диссертацию (до попа-

далова мама работала ассистентом на кафедре русской литературы XX века).

Но было не суждено. Мама умерла от передозировки, когда мне было три месяца.

Меня вырастила бабушка.

Мое детство – оно с запахом хлора. Бабушка хлорировала всё, с чем я соприкасался. Бельё кипятила. И посуда у меня была отдельная. А ещё она нашла себе масок из старых простыней. Без маски я её почти и не видел.

В садик я не ходил. В школу меня бабушка всё же отдала, чтобы никто не догадался, что я неизлечимо болен, да ещё такой постыдной болезнью.

Сначала всё шло хорошо, внешне я от других ничем не отличался, болел не чаще и не тяжелее других детей, пока вдруг в семь лет не выяснилось, что придётся пить лекарства. Это было удивительно, что есть, оказывается, какие-то таблетки, “чтобы не наступал СПИД”. Таблетки мне понравились – разноцветные. Они внушали надежду, что я проживу не так уж мало.

Всю жизнь с того момента мне предстояло пить сначала пять, а сейчас, когда препараты стали совершеннее, две таблетки в день. Бабушка всё удивлялась, что я жив на “этой химии”. “Невозможно жрать столько таблеток и долго жить”, – говорила она.

Но всё же умерла первой. Мне успело исполниться восемнадцать.

Я поступил в университет. Хотел в медицинский, но мой инфекционист в СПИД-центре, а это единственный человек, которому я доверяю, сказал, что с ежегодными проверками на ВИЧ для медиков я об этом могу забыть – нормально работать с моим диагнозом всё равно не дадут. Поэтому пошел на биофак. И хоть выращивать ГМО-картошку и кукурузу по закону нельзя, корпеть над ними в лаборатории не воспрещается, что мне и придётся после универа делать. Я не уверен, что это моё – быть ботаником. Наверное, поэтому и иду работать в морг. Буду подглядывать за медициной в щёлочку”.

– Что за ерунду ты тут понаписал?

– Так вы ж сказали, читать никто не будет... Да шутка, конечно, – заржал я. – Разве похож я на спидозного сына наркоманки?!

– Ну, конечно, не похож!.. – услышал я голос молодой кад- ровички.

– Переписывай, – вздохнула приятная женщина.

Похоже, с такими кадрами они ещё не сталкивались.

Я взял новый лист.

“Спирин Лев Валерьевич, 1997 года рождения. Мать – Спирина Маргарита Александровна, преподаватель, умерла в 1997 году от внезапной остановки сердца. Бабушка – Спирина Вера Петровна, учитель младших классов, пенсионерка, умерла в текущем году.

Закончил среднюю школу № 28 и поступил в НГУ на био-

логический факультет.

Проживаю по адресу: ул. Декабристов, д. 110, кв. 88”.

Эту биографию милые женщины одобрили.

Вы, конечно, уже поняли, что оба рассказа были правды.

Показать квартиру? Угловая хрущёвка. Две плавно перетекающих друг в друга комнаты, по площади не маленькие, но вытянутые, как плацкартные вагоны.

Я живу в комнате, которую бабушка называла “библиотекой”. В ней от прежней хозяйки, выжившей из ума школьной директрисы, покончившей с собой, осталась туча книг – от пола до потолка.

Раз уж я взялся тут распинаться перед вами, сразу обозначу круг любимых писателей. Без них я бы сдох, честно. Сло́ва-то дома было кинуть некому. А книга дает иллюзию общения, да и собеседник почти гарантированно – не дурак.

Ну, конечно, Сэлинджер. Это вы, должно быть, заметили. И ничего с этим уже не поделаешь. Я тут прочёл, что он сказал перед смертью, мол, “Над пропастью во ржи” был его ошибкой. Ну да, конечно. Ошибка. А ничего, что благодаря этой “ошибке” я, может, до сих пор жив? Иначе ж таким, как я – нам только вздернуться. Ну, или как там, Холден? Оседлать атомную бомбу?..

Потом – Вишневский. Упаси Боже, не Януш Леон. Я про Вишневского Александра Александровича. Сероватая

книжка “Дневник хирурга” с предисловием маршала Жукова. Прочитав её, я и решил стать хирургом. Но мой ВИЧ рассмеялся мне в лицо. И ничего, что вируса в моем организме благодаря лекарствам и нет почти. Да и придумали же кольчужные перчатки – это такая суперштука, которая ни при каких авариях не даст мне заразить пациента... И все ведь это прекрасно понимают. Но нет. Мне можно только в морг. (Хотя и туда нельзя на самом деле, просто анализ на ВИЧ сдавать не обязали.) Я изо всех сил стараюсь, чтобы в моих словах не звучала вселенская обида, но получается что-то не очень, да?..

Ещё мне Библия нравится. Но только Новый Завет. Ветхий вообще не понимаю и того Бога я не знаю и знать не хочу.

А вот персонаж из Нового Завета – тот, конечно, мне симпатичен. Я уверен, что если бы Иисус пришел в этот мир сейчас, то обязательно был бы ВИЧ-инфицирован. Гомосексуал, наркоман, распутник или просто сын ВИЧ-положительной Марии. (Кого вы там ненавидите, презираете или боитесь?) А что, тогда ведь считали его обманщиком, одержимым бесами, самозванцем – по тем временам самые страшные грехи...

Короче, я знаю, этот чувак – он на моей стороне.

Бабушка меня не любила.

Бывает так, что бабушка и любит, и не любит одновременно – ну, как у Санаева (вы меня простите за вторичность и

ссылки на авторитеты, я же в первый раз что-то осмысленное пишу, и мне навыка не хватает...), а моя бабушка меня просто не любила.

Она была мной не довольна по умолчанию. И что бы я ни делал – я ничего бы не смог изменить. Я же ВИЧ+...

А чего быть довольной?.. Дочь росла вроде хорошей девочкой, а потом влюбилась в этого проклятого Валерку. И где познакомились?! В университете! Она пришла ассистентом на кафедру, а он – только после аспирантуры. Нищий был. У него были ровно одни брюки. Голову мыл хозяйственным мылом, треснувшие авторучки изолентой заматывал. Решил подзаработать. Ну и так подзаработал, что через полгода сам прочно сидел на героине, да и дуру-Марго туда же утянул.

Дура-Марго – это моя мама. Проклятый Валерка – папа. Хотя тут бабушка была не уверена, ведь “Марго была та еще проститутка последние годы, могла и от другого тебя родить, она уже ничего не соображала, прости Господи”. Падение моих родителей было чрезвычайно быстрым. Потом я читал, что на героине люди могут и по десять лет жить с виду нормальной жизнью – только самые близкие в курсе их состояния. Моя же мама продержалась от первого до последнего укола всего лишь три года.

Бабушка хотела отдать меня в дом малютки, когда в полтора года диагноз подтвердили окончательно и мой ВИЧ уже навсегда врезался в ее жизнь, но Санпалыч из СПИД-центра

отговорил ее. Сказал, что я хороший мальчишка, показатели отличные, а там, может, к моему совершеннолетию лекарство от ВИЧ изобретут.

Я – совершеннолетний. Санпалыч ошибался.

Бабушка в лекарство от СПИДа не верила, она почему-то думала, что и мама умерла от синдрома, а вовсе не от “отравления неизвестным веществом”, как было написано в документах.

– СПИД, с***, я тебя ненавижу! – воздевала она руки к небу, если вдруг на неё накатывала печаль по ушедшей дочке и больному внуку.

Она осталась совсем одна. Дедушка умер ещё до моего рождения, старшая дочь уехала в другой город. Подруг не было – подозреваю, она намеренно их уничтожила. Какие подруги, когда в семье почти чума...

А я, “камень на ее хилой шее”, совершенно не ценю того, что она меня не отдала в детский дом. Издеваюсь, грублю, не слушаюсь.

Когда она меня за это ругала, я всё не мог взять в толк, как же я могу вытворять все эти ужасы, если целыми днями один сижу в “библиотеке”?..

Короче, не любил я бабушку.

Я Нину любил.

Смуглеет салями, вызываяще поблескивает бутылка водки. Фрукты, конфеты, лимонад.

Радость. Праздник. Нина приехала.

Мне семь лет. Она вызволяет меня из моего невольного убежища:

– Иди поиграй с Ирой и Наташей.

Сначала я иду на кухню и ем деликатесы. Давлюсь от волнения. Ира и Наташа сидят рядом. Одной восемь, другой – десять. Они, конечно, и раньше приезжали, например прошлым летом, и Нина точно так же предлагала мне их компанию, и мы играли вместе, но за этот год они, как мне показалось, уж очень выросли. А я будто бы остался прежним. В общем, с моей семилетней точки зрения, они ужасно взрослые. Тем почётнее возможность поиграть с ними.

– Ты не боишься? Я бы на твоём месте к дочкам его не подпускала, – заводит бабушка старую песню.

– Нет, ВИЧ же не передаётся воздушно-капельным путем, сколько раз я тебе это уже говорила. И ты уже сними маску, мам. Ну, сколько можно?

– Вот ты так уверена, что не передаётся? – спорит бабушка. – Ещё каких-то двадцать лет назад и вируса-то такого не было, ну и как можно говорить, как он передаётся, а как нет?.. Ну уж нет, я согласна умереть от гипертонии, от инфаркта, от чего угодно, но не от того, что кожа станет, как у ящура. Нам инфекционист показал фотографию. Сказал, что если я таблетки ему давать не буду, то будет у него какая-то саркома, лимфома и вообще туберкулез...

Бабушка разрыдалась.

– Да ладно тебе, мам... – утешает ее Нина. – Мальчишка вон какой симпатичный, умный, безо всяких курсов к школе отлично готов. Еще нас с тобой переживёт!..

– Не дай бог! – Машет руками бабушка. – Кому он нужен, кроме меня?! На кого я его оставляю?

Я вращаю внутри себя чувство вины. Из-за того, что я родился с каким-то там плюсом, бабушка даже умереть спокойно не может. Вроде быть положительным – это очень даже и не плохо. Не зря про хороших персонажей в книгах и фильмах говорят – “положительный герой”. А я положительный – и это почему-то страшная беда.

Но сегодня мне весело. Ира и Наташа.

Я же не сказал, кто такая Нина. Это падчерица моей бабушки. Когда бабушка вышла замуж за дедушку, у него была дочь, то есть Нина, рано оставшаяся без матери. У самой бабушки тоже уже была моя мама, совсем маленькая.

Уж не знаю, как проходило детство Нины и моей мамы, но бабушка говорила, что их обеих считала родными. Нина стала её отрадой, когда “дура-Марго” пустилась во все тяжкие.

Нина вспоминать мою маму, впрочем, не любила.

– Много о себе думала, вот и получила!.. – вот и всё, что изредка говорила она о сводной сестре.

...Помню, когда я пошел в школу, а привела меня туда, конечно, бабушка, сосед по парте на первом же уроке задал мне вопрос:

– Где твоя мама?

– Да так, умерла... – и добавил многозначительно: – Много о себе думала, вот и получила!

Сосед посмотрел на меня со смесью удивления и почему-то уважения...

А я с детства занимаюсь маминой арифметикой. Её год рождения, 1972-й, отнимаю от нынешнего. И считаю: а сколько бы ей было сейчас лет? Какая бы она была? Я почему-то уверен, что с годами мама бы становилась красивее, умнее, счастливее. Жизнь бы наполняла её. Но к чему эти фантазии.

Мамы у меня нет, не было и не будет.

А Нина работала журналисткой в издательском доме “Провинция”. В соседнем городе. У нее было мало свободного времени, но все же она выкраивала пару дней раз в три месяца, чтобы навестить нас. И этих дней я так ждал, как и шахтеры не ждали зарплаты в год моего рождения...

Я тут недавно выбрасывал старое бабушкино постельное белье, и в каких-то проштампованных наволочках нашел записку из газеты “Провинция” под заголовком “ВИЧ – наш бич”. Речь в ней шла о мальчике Л., родившемся от ВИЧ-положительной матери, которого растит нищая бабушка-учительница. Концы с концами они сводят еле-еле, хоть Л. и получает от государства две пенсии: как сирота и как ребенок с ВИЧ. Мальчик красив, активен и с виду здоров. Зачислен в общеобразовательную школу. Но что ждёт его в будущем? –

задается вопросом автор статьи. Готово ли общество принять не такого, как все?..

Автор – Нина. И хоть сейчас я понимаю, что статья-то написана совершенно беспомощно, я благодарен ей хотя бы за такое участие в моей судьбе. Чёрт возьми, ведь именно этого мне и не хватало всегда.

Л. – это я. Я уже писал, что меня зовут Лев?.. Более долбанутое имя сложно себе представить, я считаю. В детстве я недоумевал: зачем меня так называли? Почему не Бегемот, не Заяц, не Улитка?.. Потом свыкся. А бабушка объяснила. Медсестра ей сказала, когда она примчалась ко мне в реанимацию, что сейчас на небе созвездие Льва вот прямо в ударе, и надо дать парню такое же сильное имя, как и знак Зодиака.

Эта же медсестра – видимо, в ее голове кипел эклектичный эзотерический суп – настояла на том, чтобы меня окрестили там же, в реанимации. А у меня ломка, представляете? Молодой священник, по ходу, до этого младенцев видел только на благостных мероприятиях в стенах храма, поэтому тощий красный червяк, исходивший поносом и бьющийся в конвульсиях, произвел на него тяжкое впечатление. Жалких десять минут покудесил он над моей душой и предпочел покинуть аскетичные интерьеры реанимации. Мне неудобно – может, я ему до сих пор в страшных снах являюсь? Или я много о себе думаю?..

Вообще, да, я много о себе думаю. А о ком думать? Вокруг меня слишком долго не было ни одной живой души...

Конечно, я немного преувеличиваю. Был у меня друг. Всего один, Рома. Он, в отличие от меня, в медицинский всё же поступил, счастливчик, и в морг мы пошли работать вместе...

О моём диагнозе одноклассники не знали. Знали только школьная медсестра и директор. Она-то меня в школу принимать не хотела, но Нина пригрозила ей прокурорской проверкой – не все в порядке было в школьной бухгалтерии... И строго-настрого приказала директрисе молчать о моем ВИЧ, ведь если бы узнали родители других школьников, началось бы такое... Хотя в семь лет, когда я пошел в школу, я, честное слово, не собирался ещё ни с кем заниматься сексом, да и наркотики в этом возрасте обычно не принимают. Но ведь все эти квохчущие над своими здоровыми детьми родители уверены, что я только и думаю, как передать свой гадкий вирус их чадушкам – а ну как покусаю, или поцарапаю, или ещё что?.. Они находятся в перманентной истерике по поводу ВИЧ, поэтому никогда не услышат, что так он не передаётся...

Но не сближался с одноклассниками я, в общем, по другой причине. Класс наш был “Э” – экспериментальный. После седьмого набрали двадцать восемь ребят (девочек почему-то не взяли) с большими способностями к естественным наукам, но все не могли быть равны. Те, что были умнее, не могли отказать себе в удовольствии подкалывать менее

успешных в учебе. Ну и, конечно, не в выигрыше были прыщавые, толстые, чересчур скромные (по этой причине никто, кроме меня, не дружил с Ромой)... Также не любили рыжего долговязого Зайченко, родители которого были к тому же алкоголиками. Не пользовался авторитетом и узбек Чингизов, хотя учился он превосходно. Я болтался где-то между двух миров – успешных и отверженных – и боялся: только бы никто не узнал о моём ВИЧ, ведь это окунуло бы меня лицом в компостную яму.

Я и по сей день молчу про свой диагноз. Нет, не то чтобы я хотел каждому встречному о нем рассказать, просто как бывает: пью, например, в универе утреннюю таблетку, а у меня спрашивают: это что? И мне каждый раз врать, что это витамины? Пожизненные такие...

Или ещё, ну, это уже лирика. Выпиваю, скажем, на пару с другом бутылку-другую вина или пива бутылки три. И тянет меня на философию. Вдруг становится страшно, что не сегодня, так завтра вирус опоясает меня лишаем, обозначит мои лимфоузлы одутловатыми сливами, наградит несбиваемой температурой месяца так на два... Я знаю, как работают мои таблетки, и понимаю, что эти страхи беспричинны. Но болезнь, как ни крути, полностью вылечить нельзя. Рассказать о том, что на душе – необходимо, но раскрыться страшно. Велик риск, что собеседник натянет на себя накрахмаленную маску – нет, не ту, что носила моя бабушка, а метафорическую, ментальную, и я в эту секунду погибну для

него, а он — для меня...

Итак, Рома был единственным человеком в моём окружении, которому я, собственно, как-то за пивом и сообщил:

— Знаешь, а у меня ВИЧ.

Он чуть не упал с трубы, на которой мы, будто гопники, а не студенты приличного вуза, сидели тем сентябрьским полднем.

— Ну, она хоть красивая была? — попытался пошутить Рома.

— Кто? — не понял я.

— Ну, девчонка, от которой ты заразился...

— А, девчонка!.. Ну да, ничего такая. Ну, не сказал бы, что девчонка... Ей уже 25 было.

Рома присвистнул.

— Фига ты, Лео. Честно, вот никогда бы не подумал, что ты способен с такой опытной...

Я ржу:

— Меня заразила моя мать. Скорее всего, это произошло во время родов.

— Извини... Блин, я, к сожалению, мало знаю о ВИЧ, — смутился Рома. — Как тебя поддержать?

— Всё нормально, — ответил я. — Я этого вируса и не ощущаю... Просто захотелось сказать...

— Вечером будешь? — перевел тему Рома.

— Где?

— Где, где?! Ну, мы же с тобой договаривались. В антика-

фе. Там сегодня “Прыщи и бёдра” выступают. Забыл, что ли?

Точно. Солистка “Прыщей и бёдер” (самокритичное название), филологическая студентка Диана, мне нравилась. Такая мягкая, полноватая флегма. Ей бы в библиотеке книги выдавать или в садике хороводы с детьми водить, но она, облачившись в рваную майку и наведя странный макияж, пела то, что сама определяла как трип-хоп. В принципе это было стильно и довольно интересно. Я думал, что вот к ней-то можно было бы подкатить и предложить проводить её домой и все такое. Она внушала мне доверие. Хотя что я вам вру?.. Какое доверие? Не доверяю я никому.

Не доверяю и не верю. Но надеюсь. Я читал, что это всё потому, что мне ещё только восемнадцать...

Слово “хипстер” уже отмирает вместе с “Look at me”, но околехипстерская мода остается. Эта одежда, эти тусовки, соответствующие фильтры в инстаграме...

Кирпично-красные узкие джинсы, чуть подвернутые, зеленая толстовка, кеды. В любую погоду кеды. Оголённые щиколотки.

Собственно, комплектов одежды у меня всего два – есть еще, наоборот, зеленые джинсы и красная толстовка (её особенно люблю – на ней нарисован Маяковский). Начну нормально зарабатывать – накоплю себе одежды. Стильные шмотки я обожаю, как бы говорю себе: “Ну и что, что у меня этот поганый вирус, зато я красивый, чёрт возьми!”

Короче, раньше бы сказали, что тем вечером для антикафе я оделся, как пидор. А теперь так одевается каждый второй. Вдобавок я побрился налысо и художественно выбрил небольшую бородку. В то время как у моих сверстников только начинает появляться редкая растительность на щеках, я уже борюсь с серьёзной щетиной. На вид мне куда больше восемнадцати. Придётся жить экстерном, сказал я зеркалу, когда это впервые обнаружил.

Это чёртово бритьё меня выбило из колеи. Я совершенно забыл о времени. На выступление я опоздал и пения Дианы не услышал.

Открыв дверь в зал антикафе, я погрузился в непривычную, чуть натянутую псевдоинтеллектуальную атмосферу. У импровизированной сцены происходила настоящая драка. Как я понял через пару секунд – женская. Девчонка с дредами что есть сил лупасила солистку “Прыщей и бёдер”. Та еле отбивалась, хоть и была выше и крупнее соперницы. Их пытались разнять, впрочем, как-то вяло: общеизвестно, что женские драки обладают особой сексуальностью и иной раз за ними приятно понаблюдать.

– С***, чтоб ты сдохла, тварь! – лютовала девчонка с дредами. – Ты же мне нос сломала, уродина жирная!

Тут их, наконец, отлепили друг от друга.

– Вроде и правда нос сломан! – заключила подружка девчонки с дредами.

– Пропустите, я студент-медик, – соврал я, пробираясь че-

рез толпу к девчонке.

Рома уже занимался Дианой – я мельком увидел ее расцарапанное в кровь лицо.

На лице же девчонки с дредами крови не было, но нос сильно отек. Она уколола меня злым взглядом. На вид ей было лет шестнадцать.

Я осторожно дотронулся до ее лица. Пальцы мои были взволнованно мокрые. Не люблю, когда они такие.

– Ай, больно же, студент, – капризно простонала она.

– Нет никакого перелома, – диагностировал я. – Просто ушиб.

Я вытащил ее на улицу. Она была пьяна.

– Тебе сколько лет? – спросил я.

– Ой, только не надо вот этого, – отмахнулась она.

Её стошнило. Я протянул ей влажные салфетки и бутылку воды.

– Я сдохну, – прошептала она, завязывая в узел облёванные дреды.

– Нет, проспипшись, и завтра всё будет по-другому...

– Я не об этом, – сказала она. – Меня рвёт при красивом парне. Вот это конец света.

– А ты трезвеешь. Спасибо за комплимент.

Ее рвало, знобило, шатало. Минут примерно сорок. И я подумал – что-то в ней есть.

– Ну, всё? – спросил я, когда она начала клевать носом. – Пора к мамочке под крылышко?

– Я не люблю свою мать, – буркнула она.

– А я свою вообще ненавижу. И поверь, как бы с тобой ни поступала твоя мама, по сравнению с настоящим преступлением моей – это цветочки.

– Какое преступление?

– Родила меня... Да забей, долго рассказывать. Лучше скажи, как тебя зовут?

– Ариша, – выдала она наивный детский вариант своего имени.

– Да какая ты Ариша! – рассмеялся я. – Ты целое Аринище!..

– Сам такой, – обиделась Арина. – А я сорок пять кг весу!..

Мы сели не на тот автобус – я совсем не знал, как добраться до района, где живет Арина, – и доставил ее домой лишь ближе к полуночи. Дверь открыла полная женщина с вишневыми волосами.

– Это с тобой она, значит, последнее время шляется! – с порога заголосила она. – Она несовершеннолетняя, ты имей в виду! Наверняка это чучело уже прыгнуло тебе в постель!..

– Не кричите, пожалуйста, – попросил я. – Я вообще-то с Ариной почти не знаком... Вы хоть заметили, что у неё ушиб? Проследите за её состоянием, мало ли, появятся симптомы сотрясения.

– О Боже, как же так, – запричитала Аринина мама. – Мо-

жет, “Скорую”?..

– От “Скорой” толку не будет. Пусть она поспит, а если наутро что-то будет беспокоить, кроме похмелья, тогда в травмпункт.

– А ты что, врач?

– Нет, я студент. Биолог...

– Господи, да за что же мне такое наказание, – рыдала Арина мама, стаскивая со спящей, но продолжающей сопротивляться дочери, обувь и куртку. – Как я боюсь, что совсем пропадёт. Или с наркотиками свяжется, или в подоле принесет... А ты с ней дружишь, общаешься, или что?..

– Мы случайно познакомились. Я просто ей помог добраться.

– Спасибо тебе. Чаю хочешь?

– Хочу. Я и есть хочу, если честно...

Вообще, она оказалась вполне милой. Простая русская женщина, как о них обычно говорят. Двадцать лишних килограммов, халат на молнии, пицца, жаренная в большом количестве масла... Галина Геннадьевна.

– А ты хороший мальчик, – оценила она меня.

В полный восторг я привел её рассказом о том, что в свободное от учёбы время я подрабатываю в патоморфологическом отделении (она не знала, что это морг, а название отделения звучало солидно) и что у меня есть собственная квартира. А еще будущая профессия у меня перспективная. За биоинженерией будущее, заверил я Галину Геннадьевну.

– Ты Аришке позвони завтра, – сказала она вкрадчиво. – Пригласи её куда-нибудь. Она неплохая девчонка, честное слово, хоть и выглядит как чучело, прости господи. Она учится хоть и не то чтобы хорошо, но умненькая, читает много, на флейте играет... Наверно, это всё возраст этот переходный. Проклятуший...

Пригласить куда-нибудь?.. Это очень щепетильный вопрос, несмотря на то что девчонки (из параллели, с подготовительных в институте или те, что встречались мне на концертах или в кино) в принципе симпатизировали мне... Неизменно я записывал номер какой-нибудь новой знакомой, но ни разу никому не позвонил. Ни в одной из них я не видел той, кому можно было признаться в том, что я болен, не предчувствуя мгновенного вежливого отказа.

Я и девственности планировал лишиться с проституткой, но в последний момент что-то пошло не так. Не уверен, что это так уж интересно, но расскажу.

Еще когда мне исполнилось четырнадцать лет, Нина привезла мне свой старый компьютер. Я очень просил. “Для учебы надо”, – говорил.

Интернет, конечно, здорово изменил мою жизнь.

Параллельно с миром любимой полостной хирургии, еще шире открывшимся для меня (книги, статьи, видеозаписи операций), я обрел некое физическое удовлетворение благодаря доступной в интернете разнообразной порнухе. Я подо-

зревал, что этим мне и придется пожизненно ограничивать-ся, потому что примерно с этого возраста бабушка начала систематически повторять:

– Не вздумай ни с кем спать! Не порти девчонкам жизнь!..

Она убедила Нину больше не возить к нам Иру и Наташу. “А если он с ними переспит? Мало ли что в его спидушную голову придет!” – говорила она Нине. Вскоре и сама Нина свела на нет общение со мной. Она словно не знала, что ей со мной, подростком, делать. Её краткие визиты постепенно стали полностью подчинены общению с бабушкой.

Мне не были нужны ни Ира, ни Наташа, ни прочие девчонки, с кем я знакомился в интернете и в жизни. Ни одна не сбивала моего дыхания. Кроме того, я хорошо помнил постулат, который с этого же возраста начал вдалбливать мне Санпалыч: перед сексом обязательно рассказать о своем ВИЧ. Презерватив может и порваться, и хоть на препаратах вероятность заразить мала, но всё же она есть.

– Твои партнерши имеют право знать о рисках заранее, – говорил он дежурно.

– Да какие партнерши, – смеялся я в ответ. – Нет у меня никого. И, может, не будет...

Я представлял ИХ лица, когда я им говорю: “У меня ВИЧ”, и все мои желания отступали...

– Тогда только с проституткой, – заключил Рома, выслушав в очередной раз жалобы на мое невыносимое сексуальное томление: “Почти восемнадцать лет, а я еще...”. Стран-

но было слышать от скромника Ромы такой совет, да и показался он мне мало осуществимым, однако засел в подкорке.

Мне всегда казалось, что использовать других людей нехорошо, даже если ты им за это платишь. К тому же от бабушки я знал, что моя мама вплоть до родов промышляла этим занятием, и я смущался от мысли, что могу воспользоваться услугами её коллеги.

Но... Прошел месяц, как умерла бабушка. Из её “гробовых” оставалось пять тысяч. И вот я листаю фотки в специализированной группе “ВКонтакте”. Я выбрал шатенку “Сару” двадцати пяти лет. На лице у неё глубокие кратеры, тщательно подмазанные тональником. Я люблю женщин с несовершенной кожей. Они кажутся мне более настоящими.

– Боже мой! – воскликнула Сара, пересчитывая купюры. – Ну, если уж с тобой, мальчик, никто бесплатно не хочет, ну тогда я не знаю...

– У меня ВИЧ.

– Да не гони!..

– Это правда.

– Ну и ладно. ВИЧ и ВИЧ. Я знаешь скольких вичёвых знаю. Люди как люди.

– А ты толерантна.

– Что?

– Да ничего...

– Ты ещё и умный, – сказала она, как-то по-матерински потрепав меня по щеке.

И вот после этого жеста я совершенно не мог представить себя вместе с ней и решил, что не буду я с ней заниматься сексом...

Сара начала было раздеваться, но тут у нее зазвонил телефон. Она хотела нажать на “отбой”, но я сказал:

– Да ладно, ответь... – на экране высветилось слово “мама”.

– Соска на микроволновке мам... Ну посмотри внимательнее... Да куплю я смесь. И продуктов куплю. Да, привезут. У нас всех кассиров развозят. Ну ладно, мам, я работаю.

Она была похожа на лошадь, в которую влили ведро крепкого кофе и заставляют возить туристов на площади. Поговорила – и опять напускная веселость на лице.

Я перехватил ее руку, устремившуюся к моему ремню.

– То есть я хочу секса, а ты хочешь заработать на покушать и купить ребенку смеси, так?

– Ну так, – она пожала плечами. – Сейчас кризис. Раньше мне хватало не только на покушать. А теперь мало клиентов стало – ну, в сравнении с тем, что два года назад было... Так еще и родила. Ему то одно, то другое надо. Кошмар. Ну чё, начнем? Скоро за мной приедут...

– Ты знаешь, я передумал, – сказал я. – Иди. Я... не хочу...

– Почему?

– А ты мне не нравишься, – не нашел ничего лучше, чем в очередной раз соврать.

– А ты мне понравился, прикинь? Молодой, красивый. Не нахал. Ну не хочешь – как хочешь... Слушай, а можно я полежу?... Устала, как сволочь.

Она отвернулась к стене и закрыла глаза.

...А когда она уходила, я решил, что драматургия ситуации вполне позволяет ее поцеловать. К тому же я хотел проверить, правда ли, что у проституток действует правило “только не в губы”. На поцелуй она ответила с готовностью и почти с жадностью. Я ей действительно понравился. Или надо было хоть как-то отработать пять тысяч?..

– Ну всё, мне пора. Я бы осталась, но...

– Работа ждёт?

– Ага.

– Сара! – кричу ей в след. – Сдай на ВИЧ...

– Но у нас же ничего не было...

– Давно у тебя эти штучки на коже? Похоже на контагиозного моллюска...

– На что похоже?... – переспросила она.

– Проблемы с кожей, говорю, давно у тебя? Такое иногда бывает при ВИЧ...

Она озабоченно поскребла щеку.

– Хорошо, сдам – ответила она. – Хотя даже если и ВИЧ, это не самое страшное. Чего со мной только не было... Я уверена, что самое ужасное в моей жизни уже позади. Дагестанский мальчишник. Я потом не верила, что осталась жива. Клиент-шизофреник – не выпускал меня из своей квартиры

несколько дней – три пальца мне, помню, сломал... Ещё был бордель в Турции, ой, не буду продолжать. А ВИЧ, что ВИЧ? Есть ведь лекарства какие-то? Ну и прекрасно...

Ушла. Слава богу, подумал я, вновь оставшись один.

А ведь мне могло бы с ней быть хорошо. Но я с детства не научен радоваться жизни. Это надо уметь. Я, видимо, не способен.

На следующий день я позвонил Арине.

– Ой, привет, – сказала она. – Я тебя, правда, почти не помню, но мама говорит, что я должна считать тебя своим ангелом-хранителем. Может, ты меня ещё раз выручишь? Я вчера в этом сраном антикафе флейту забыла. Ну как забыла... Я же этой идиотке пару раз дала флейтой по ее немой башке, и потом она куда-то делась... А флейта – самое дорогое, что у меня есть. Давай сходим, ты заберешь ее... А то мне стыдно туда заходить...

– Хорошо, – согласился я.

Я чертовски волновался. Ещё раз выбрил голову, хотя что там могло отрасти за сутки. Подправил бородку. Полчаса симметрично закатывал штаны.

Это было не то чтобы свидание, но волновался я так, будто мне придётся сегодня делать ей предложение. Что я за человек? Может, я эту Арину больше и не увижу никогда...

Протягиваю ей застывшую в никеле утонченность и гармонию – ее флейту:

– Если бы я не знал, ни за что бы не подумал, что ты играешь на флейте.

– Я хорошо играю!.. Это лучший инструмент в мире! Хочешь послушать?

Сыграла. Я похвалил:

– Молодец.

Хотя мелодия меня ничуть не тронула. Я к музыке, как и к ещё тысяче вещей, равнодушен.

– Знаешь, почему я подралась с этой с****?! Мы с ней договорились играть вместе. Моя флейта, ее вокал. Репетировали, выступили на той неделе. Выступление классное получилось. Я, дура, радовалась, обнимаю ее, говорю, вот как здорово, Дианка, вышло! И я думала, ей тоже понравилось вместе работать. И что в итоге? Я приезжаю на выступление в антикафе, а она говорит – я передумала насчет флейты, извини. Тварь жирная. Она просто не захотела делить со мной успех. Сволочь! Поэтому я на концерте хорошенько напилась, а потом решила показать ей, где раки зимуют. Знаешь, как мне перед моими друзьями было стыдно? Я же пригласила их на выступление... Не, ну скажи, в чем я не права?

– Ты абсолютно права, – успокоил я ее. – А теперь плюнь и разотри.

Я смотрел в её глаза. В них – надлом и досада от житейской неудачи, мини-предательства. Её искреннее проживание жизни меня очень тронуло. Я не знал, что это такое – вся эта невротичность, горячка чувств. Уже давно ничто меня,

кажется, не способно вывести из себя.

Умерла бабушка – я просто пожал плечами, сообщил об этом соседке и доверил ей все сделать самой, вручив найденные у бабушки в шкафу “гробовые”. А сам ушел на неделю жить к РOME.

Так же и с Ниной. Я уже говорил, что когда я вырос, она отдалилась от меня. Помню, осознав это, я немного всплакнул. Но быстро понял: то, что я совсем один – это, во-первых, неизбежно, а во-вторых, к лучшему. Меньше привязанностей – меньше боли. Или я так себя утешал?..

Мы целовались, как сумасшедшие. Это были не поцелуи, а борьба какая-то, честное слово. У меня даже заболело лицо.

Продрогли на холодной скамейке, вдобавок начался дождь.

– Пойдем к тебе домой! – неожиданно предложила Арина. – Ты же один живешь?

– Один, и именно поэтому я неделями не мою посуду и не делаю уборку. Мне и пригласить тебя неудобно. А вообще, не в этом дело. У меня дежурство через два часа.

– Ну вот, а я так хотела с тобой переспать!..

– Успеем ещё, – сказал я (не верится – о боже, о чём я веду разговоры!). – Ариша, маленькая моя, я тут недавно переспал с проституткой, так она и то вела себя чуть скромнее...

Дурацкая хвастливая ложь. Идиот. Приятно это, что ли,

цеплять самолюбие симпатичной тебе девчонки?.. Не знаю.

– Ну и иди к своим проституткам, – надулась Арина. – Я просто говорю что думаю. Ты мне нравишься. Может, мне еще никто не нравился так, как ты. И вообще, ты вызываешь у меня доверие... Почему мы не можем просто заняться сексом? Для этого надо полгода ходить за ручку, признаваться друг другу в любви? А так просто нельзя?.. Просто потому, что хотим?

Что же в этот момент меня так очаровало? Её дикция. Говорит она быстро, четко, аргументы летят в меня взрывными вспышками.

– Приходи завтра вечером, – я заткнул её поцелуем. – Я тебе адрес “ВКонтакте” скину.

Вся моя горе-семья – филологи. А вот я таланта складно излагать мысли не унаследовал. Вечно перескакиваю с одного на другое. Про морг вот все никак не соберусь рассказать.

По великому знакомству туда сначала попал Рома (его дядя – не последний врач в областной больнице), а за ним и я. Работа хлебная. Родственники наших клиентов обычно щедро доплачивали за дополнительный сервис. И никогда не торговались.

Эти сутки, правда, выдались не денежными. Привезли всего одного мужика. Никаких родственников не объявилось. Почему – красноречиво объясняла его саркома Капоши во всю задницу.

– Бедняга, – вздохнул я. – Этот гей мучительно умер.

– С чего ты взял, что он был геєм?! – спросил Рома отчего-то взволнованно.

– Ну, здрасьте. Кто из нас будущий медик – я или ты? Ты на локализацию саркомы глянь. Не лечился он, судя по всему, совсем. Кахексия. Рот весь в кандидозе.

Ужас нарисовался на Ромином лице.

– Лео, я не верю, что и ты когда-нибудь вот так... Когда видишь это своими глазами, совсем по-другому воспринимаешь ВИЧ. Я всё время думал, что меня это не касается... Наверно, для врача я слишком впечатлительный.

– Ничего, это пройдёт, – ржу я. – Поработаешь в морге, трупы покромсаешь на учебе – к шестому курсу успокоишься. А если нет – пойдешь ко мне ГМО изучать. А умирать я не собираюсь. Нет, ну, то есть собираюсь, но не от СПИДа. Полно других причин для смерти. Короче, я настроен оптимистично.

– Уж куда оптимистичнее, – покачал головой Рома.

Да, сильно он расстроился из-за саркомного мужика. Или другие были причины. Я спросить не решился.

Оказалось, я тоже впечатлительный. Мне как раз снился тот мужик с саркомой, снимающий ее с себя, как кольчугу, и передающий мне, как я слышал звонок в домофон.

Я почему-то не верил, что она на самом деле придёт.

– Чуть не проспал своё счастье, – сказал я.

На пороге моей квартиры стояло именно что счастье. По законам жанра она была в летящем белом платье, дреды собраны в пучок, пирсинг из губы убран. На лице – тот минимум косметики, который мы, парни, обычно и не замечаем.

Но Арина была бы не Ариной, если бы не надела к белому романтичному платью гады, а за плечи не повесила бы огромный брезентовый рюкзак.

– Тут все мои вещи, – пояснила она. – Мало ли, мне тут понравится. Ты один в двухкомнатной квартире, не откажешь же ты мне в пристанище, так сказать?..

– А мама знает о твоих планах?

– Она выгнала меня из дома. Я сделала татуировку.

– Это какую надо было сделать татуировку, чтобы мама на тебя так агрилась?..

– Смотри, – и она приподняла платье. На бедре умудрилась поместиться длинная фраза: “Все умрут, а я останусь”.

– Очуметь. Никогда еще не видел красивых татух на русском. Твоя – ничего такая.

– На самом деле, она выгнала меня не из-за тату. Это просто предлог, да и не выгоняла она. Сделала так, чтоб я сама ушла... Она нашла себе мужика. Квартира-то у нас однокомнатная, я мешаю... А ты ей нравишься, она тебе доверяет. И я тебе пригожусь – от меня может быть очень большая польза.

– Да? Это какая?

– Готовить умею. Нет, ну, правда. Порядок буду поддерживать. Ремонт вот надо сделать. Ну, хоть обои переклеить. А то смотри, плесень ползет, ужас... Как ты тут живешь?

Она помыла посуду и поставила вариться картошку.

– Ты странно хозяйственная для своих лет, – сказал я.

– Суровое мамино воспитание, – усмехнулась Арина. – Она меня родила, как это называют, “для себя”. Папашу своего я ни разу не видела, он, получается, был кем-то вроде донора спермы... Помочь со мной маме было некому, а работать надо было. В садик я редко ходила – я страшный аллергик была, от садовой еды покрывалась красной коркой. Со мной то соседка сидела, то подружки мамыны... Лет с трех я стала оставаться одна на полдня. В шесть уже стала себе готовить. И вообще пришлось многому научиться...

Я раскачивался на трухлявой табуретке и наблюдал за тем, как она хлопочет на моей сиротской кухне. Чёрт, в этот момент мне казалось, что солнце вытащило все свои лучи и обрушило их на мое жалкое жилище.

Сейчас я ей скажу о своем диагнозе, и солнце, возможно, погаснет. Но, наверное, тянуть с признанием не стоит. Пусть лучше уходит сразу.

В такие минуты моя ненависть к матери, судьбе, Господу Богу достигала апогея. Какого бы циника я из себя ни изображал, а самое страшное в этом гребаном мире – быть отверженным. Никогда не получится полного одиночества, стопроцентной независимости. Ты всегда будешь прикиды-

вать, а не пошлют ли тебя куда подальше с твоей заразой и перспективой лимфомы и туберкулеза...

...Арина сказала только:

– Бедненький. Это больно?..

– Ничуть. Но, к сожалению, заразно. А еще неизлечимо, да.

– Я могу спросить, как это случилось? – осторожно спросила прежде казавшаяся мне диковатой Арина (и откуда в ней столько такта вдруг нашлось)?..

– Как я заразился? Меня родила инфицированная женщина. Что ещё сразу объяснить, чтобы постоянно одни и те же вопросы не всплывали?

Она замялась:

– А сколько... сколько...

– Сколько я проживу? – уточнил я. – Не знаю, и никто не знает. Говорят, есть такой вариант, что можно мучить планету весь свой биологический возраст...

– Ну и прекрасно, – пожала плечами Арина. – Ты мне только дай что-нибудь про ВИЧ этот твой почитать или видео какое посоветуй посмотреть... Для общего развития. Не, ну про презервативы я знаю, конечно, а больше ничего...

– И еще что от СПИДа умер Меркьюри, да?

– И Айзек Азимов, – добавила Арина.

Она задёрнула шторы.

Арина поселилась у меня. Ее мама и правда была не про-

тив. Фантастика – ведь мы были знакомы всего несколько дней.

– Шестнадцать лет – это, в общем, нормальный возраст, чтобы жить с мальчиком, – излагала Галина Геннадьевна у меня на кухне свою позицию. – Не запрю ж я её дома, если она так влюбилась... Главное, предохраняйтесь... Она для ребёнка еще мала, да и тебе-то всего восемнадцать. Ты не думай, что я от Аришкиных дел отстраняюсь – я ей 500 рублей в неделю буду давать и всё ей покупать, что надо – ну, одежду, учебники... В школу буду навещаться, если надо. И к вам буду заходить. Ну, по звонку, конечно...

Она говорила торопливо – внизу, в машине её ждал тот самый Володя, Аринин новоиспеченный отчим.

– Противно, – сказал я Арине, когда ее мама ушла.

– Ты о чём?

– О том, что она ко мне хорошо относится до того момента, пока не знает, что у меня ВИЧ.

– Это конечно... – согласилась Арина. – Но ведь и ты не готов говорить о ВИЧ, как об обычном заболевании. Ну, как если бы у тебя был диабет. Представляю, как ты боялся мне об этом сообщить... Начни с себя.

Я медленно закипаю. Я закипаю? Это интересно.

– То есть я сам виноват, что с детства меня в хлорную яму затапывают? Так?..

– Ты виноват в том, что чувствуешь себя виноватым. Ясно тебе? Или я непонятно объясняю?

До меня начало доходить. Она была, конечно, права, но я привычно юродствовал.

– Ну, теперь я жду пару заключительных выводов из американской психотерапии, что надо полюбить себя и блаблабла, – проворчал я.

– Вот ты смеёшься, а ведь это так и есть, – укоризненно сказала Арина. – Иногда самая попсовая истина из какого-нибудь тупого паблика “ВКонтакте” оказывается настоящей правдой. Но мы слишком умные и циничные, чтобы это принять, да?

Она всё это говорила вроде бы между делом. Мы как раз в четыре руки чистили ванну, ещё в прошлом веке покрывшуюся колкой ржавой чешуей. (С Ариной подачи мы активно приводили запущенную квартиру в порядок: “Твою болезнь я не вижу, а вот квартира твоя точно больна”, – говорила мне она, и мы переклеили обои, покрасили подоконники и даже перестелили линолеум). И я все эти дни ходил с блаженной улыбкой: со мной рядом не девчонка шестнадцати лет, а генератор мудрости и душевности. За что мне такое счастье? Может, я правда клевый чувак, и действительно этого достоин?..

– Я люблю тебя, – сказал я.

Нечаянно сказал, представляете? Само вырвалось.

– Чего? – переспросила она и отвлеклась от неподатливой ржавчины, взглянув на меня будто бы удивленно.

– Да ничего, – смутился я.

В её стиле было бы сказать на это что-то типа: “Спасибо, конечно, а я-то думала, между нами только секс. Может, пивка?”, – но она ответила очень серьёзно:

– Я тебя тоже.

Вот и всё, сюда, в мою ванную, можно было звать тетеньку из загса, священника, да хоть Господа Бога.

Мы откусили наш кусочек вечности.

Каждые три месяца в СПИД-центре меня ждал Санпалыч, главный инфекционист. Он называл меня “старина”. Конечно, мы же уже восемнадцать лет знакомы.

В этот раз я пришел к назначенному времени, а его не было. Пришлось ждать в коридоре. Образовалась очередь. Двое явных гомосексуалов (когда я был ребенком, они составляли куда более обширную часть моих товарищей по диагнозу, а теперь теряются на общем фоне), с десятков девчонок и парней, с виду обычных студентов, несколько серьёзных, будто утюгом приглаженных мужчин около сорока, а ещё молодые мамы с детьми на коленках... Некоторые из них мне наглядно знакомы – посещения инфекциониста у нас примерно в одни даты, мы обмениваемся кивками и дежурной фразой “Ну, как клеточки?”.

Особняком держалась женщина ближе к пятидесяти годам. Думаю, это один из ее первых приходов в СПИД-центр – на ней не было лица. Ничего, привыкнет. Это теперь на всю жизнь.

– Как думаете, может, мне противотуберкулезную попить? – спрашиваю я Санпалыча.

– Так у тебя же нет туберкулёзных проявлений уже года три. Зачем? Что-то беспокоит?

Я замялся:

– Да нет...

– Ну тогда с противотуберкулёзными подождем пока. Клетки хорошие, иммунный статус приличный. А настроение как?

– Прекрасное, – улыбнулся я.

Он поднял на меня глаза.

– Влюбился, что ли?

– Ну, типа того, – хмыкнул я. – А всё-таки, Санпалыч, может, изониазида мне, а?..

– Смотри сам, но я не вижу причин.

Он не знает, где я работаю. Если б я рассказал, то он не изониазид бы мне рекомендовал, а уйти из морга и искать другую работу. Я – в группе риска. Но я себя убеждаю – это же не значит, что я обязан заразиться. Главное, что у меня теперь есть деньги. Иметь деньги – это большое счастье, оказывается.

– Слушай, старина, ты мне вот что скажи, почему ты прием нашего нового психолога уже второй раз пропускаешь? Она мне жалуется на тебя, – говорит Санпалыч.

Я шумно выпускаю воздух из ноздрей.

– Ну, Санпалыч, ну мне что, делать нечего? Что она мне

нового может сказать? Или тесты опять полтора часа делать, как с прошлой психологиной? Да нормально я со своим ВИЧ живу, нормально...

– А она расстраивается, что именно ты не ходишь.

– Любопытно посмотреть на “плюса” с рождения?.. Так я вроде не один тут такой...

– Я ей рассказал, какой ты у нас оригинал. Ну зайди ты к ней. Она вроде на месте сейчас. Хорошая девчонка. Знаешь, это ведь не столько тебе нужно, сколько ей. Для опыта.

– Только у меня времени пять минут, на учебу опаздываю, – я делаю одолжение и иду в кабинет психолога.

Там всё завалено книгами, папками, бумагами... Встречались упаковки из-под косметики и обертки от продуктов. Кажется, новый психолог практически жила на работе. Войдя, я ее не сразу и увидел-то из-за бумажной груды, да и она, погружённая в чтение, не заметила, что в кабинете не одна.

– Ку-ку, – говорю. – Я пришел.

– Кто “я”? – оторопела психологиная, подняв на меня взгляд.

Она была совсем молодая, года двадцать два-двадцать три, не больше. Худенькое строгое лицо, переливчато покрашенные волосы, огромные очки, четко прорисованные брови – в общем, всё по сегодняшней моде.

– Да ладно, – я вальяжно устраиваюсь в кресле. – Ну-ка, кого вы очень хотели увидеть?

– Спирин, это вы?

– Именно!

Она рассмеялась:

– Правильно мне о вас Санпалыч говорил. Вы интересный. А меня зовут Анна Антоновна. Ну что, давайте начнём? У меня есть пара тестов, очень хороших... Чёрт, что-то не могу их найти... Такая зелёная папка...

– Ань!..

– Что? – удивляется. – Какая я вам Аня? Лев, сохраняйте, пожалуйста, субординацию!

Иногда на меня нападает это безудержное, почти дикое желание вознести себя над ситуацией, и я ничего не могу с собой поделать. Продолжаю хамовато:

– Ань, ну ты же сама, наверное, успела уже понять, что поход к психологу СПИД-центра для нас всех – это просто формальность. Вы нам ничем помочь не можете. Ваши тесты, ваши советы – полная ерунда.

– Ну не скажи, – занервничала Аня. – Вот недавно пришел положительный анализ мужчине, кандидат технических наук он, что ли, так он сначала говорил, что покончит с собой, а потом, в течение нескольких встреч со мной, изменил свой взгляд на болезнь. Нет, я не хваюсь, это не моя личная заслуга, просто с помощью определённых психотерапевтических инструментов можно помочь человеку, который оказался в такой ситуации. Вот и всё.

– Да просто ты понравилась этому кандидату как женщина, вот он и передумал самоубиваться, – заверил ее я. – Но

зря он на что-то надеется. Ты же не будешь с ним спать...

– Что за ерунду ты несешь?! – возмутилась Аня. – Я тебя сейчас выгоню.

– Да пожалуйста, – пожал я плечами. – А что я? Ты же сама искала встречи со мной. Ну вот и пообщались...

Ядвигаюсь к двери.

– Подожди, присядь. Тебе нужно походить на группы для ВИЧ-положительных. Ты же в курсе про такие группы? Поддержка тех, кто с тобой в одной, так сказать, лодке, бывает очень кстати...

– Что мне там делать? – прыснул я. – Сопли вичушникам подтирать?.. Ах, я десять лет кололся, докололся до реанимации и там узнал про ВИЧ, Боже, как я несчастен, пожалейте меня. Или – да у моего мужика не может быть ВИЧ, ведь он меня любит и не изменяет, откуда же у меня этот плюс?! Тьфу ты. Я не смогу это слушать, я им завидую...

– Чего им завидовать? Да им в сто раз хуже, чем тебе. Прибегают сюда уже со СПИДом махровым зачастую. А тебя с детства контролируют. Это большой плюс, поверь.

Я мотаю головой:

– Хреновые плюсы, хреновая плюс-жизнь... Я им завидую потому, что у них была жизнь “до” и выбор, заболеть или нет. Нет, ну то есть они, наверно, не ощущали, что вот сейчас делают главный выбор в своей жизни, выбор между жизнью и смертью, но тем не менее. А я, а у меня?.. Ой, ладно, пошёл я.

– Группа собирается по средам у нас в актовом зале. В семь вечера, – раздалось мне в спину.

Я не хотел это запоминать, но в голове почему-то отложилось.

Неловко стало. И с чего я так груб был с этой Аней? Уж не знаю, какой она психолог, а человек вроде неплохой. Искренняя, добрая. Но, конечно, перегорит. Невозможно не перегореть, каждый день вплотную соприкасаясь с людским горем. Или ты их, или они тебя.

Но на встречу с ВИЧ-положительными я всё же пришел.

– Я думала, это болезнь молодежи. Ну как молодежи, в общем, тех, кто спит с кем ни попадя. Ещё знала, что наркоманы этим болеют, голубые... Но я?! Мне сорок девять лет! Я работаю библиотекарем! В детской библиотеке... Я с мужем прожила двадцать шесть лет. Двадцать шесть! Двое детей – мальчишки, да какие мальчишки – мужики уже, женаты оба, внуков у меня двое... И вот на тебе – бабушка со СПИДом!..

– У вас не СПИД, у вас ВИЧ, – мягко поправила ее Света, активистка группы. Ее ВИЧ-стаж – двадцать три года. Живет она с открытым лицом, я читал о ней в интернете. Открыть правду о своем ВИЧ-статусе в интернете – все равно что встать и сказать, ну, предположим, на остановке автобуса: “Всем привет, у меня ВИЧ!”. Надо быть отчаянным, честное слово.

– Ну, ВИЧ, СПИД, называйте как хотите, я в этом ничего

пока что не соображаю... – отмахнулась библиотекарша. – Если б он был жив, ну, муж мой, я бы его удушила вот этими вот руками! Это ведь он меня заразил... Сейчас я понимаю, что все эти годы он мне, конечно, изменял, ну, я и раньше догадывалась, но сама себе в этом не признавалась. Зато дом – полная чаша... Полная чаша...

И главное, никаких-то у него симптомов не было. А говорят еще: СПИД – чума XX века, смертельная болезнь... А он у меня здоровый был мужик... Умер внезапно. От инфаркта. Мгновенная смерть прямо за рабочим столом. Ему, значит, смерть безо всяких мучений, а мне страдай всю жизнь! Несправедливо...

– Если вас это утешит, – встрял я, – ВИЧ развивается медленно. Этот сучий вирус – вялотекущий, но все равно рано или поздно дает о себе знать. Не умри ваш муж от инфаркта, через два-три года у него бы проявились симптомы. Так что не переживайте особо на этот счет.

В том, что я сказал, сострадания было маловато, наверное. Некоторые на меня посмотрели неодобрительно.

– А теперь у меня волосы сыпятся, – продолжала жаловаться библиотекарша. – И состояние такое странное. Сажу на работе и вдруг как зашатает – это сидя-то!.. Голова иногда как не своя... Это все он, ВИЧ?..

Отвечала на ее вопросы Света, улыбаясь:

– Доктор же наверняка вам объяснил, что ВИЧ влияет на центральную нервную систему, так что, вероятнее всего,

действительно, это вирус так шалит. Но вы не беспокойтесь, вам подберут терапию, и скоро вы почувствуете себя гораздо лучше.

Библиотекарша смотрела на нас невидящими глазами.

– Всё будет хорошо, – вдруг начал утешать её я. – Вот смотрите, у меня ВИЧ с рождения, а не скажешь, да? Уже восемнадцать лет живу, подыхать не собираюсь, честное слово!

– Ох, мне бы восемнадцать лет ещё прожить, как бы я была рада, – вздохнула библиотекарша. – Увидеть, как внуки вырастут. Только я без мучений хочу жить, а не заживо разлагаться... И ещё страшно, что на работе узнают, или родственники, или соседи...

Она разрыдалась.

– Мы боимся одиночества. И его, наверное, даже больше, чем смерти, – говорила Света. – Все мы одиноки. Но только в той степени, в которой допускаем сами. И неважно, плюс у тебя в анализе на ВИЧ или минус...

К концу встречи наша библиотекарша немного повеселела. Новым подругам (оказалось, что среди здешних завсегдатаев есть и её ровесницы) она даже пообещала скинуть в “Одноклассниках” рецепт “офигительных булочек, которые так и тают во рту”.

Хренова туча Ариновых друзей частенько собиралась у нас дома (“у нас дома” – ну вы поняли, да? Как бы смешно это ни звучало, учитывая наш возраст, но жизнь у нас была

вполне семейная). От всех этих компаний я был не в восторге, но она говорила: “Не мешай мне духовно развиваться!”.

Разумеется, среди ее друзей не было одноклассников. Но были музыканты (в том числе аж два волынщика), художницы (одна из которых писала картины менструальной кровью. Нам с Ариной картины нравились: например, та, на которой была изображена любовная сцена на женской зоне, даже висела у нас в квартире), парочка веганов-активистов с извечным кормом из сушеных одуванчиков в подарок нашему ко-ту...

Умные они все были, как черти. Гуманитарии. До фига понимавшие в литературе, искусстве, социологии, да, короче, во всем. Если честно, я скучал в их обществе, да и учёба моя была довольно напряженной: некогда было “духовно развиваться”. Под их разговоры я обычно потягивал пиво, читая про морфологию растений, а если учить ничего было не надо, то вгрызался в статьи по абдоминальной хирургии и трансплантологии – призрачная мечта о скальпеле меня ещё не совсем оставила...

Но тем вечером спокойно почитать Арина компания мне не позволила. Они потащили нас в какой-то пафосный ресторан, проводивший игру “Умная минута”. Типа “Что? Где? Когда?”. Я так понял, что это сейчас самое модное – коллективная интеллектуальность.

– Нам необходим естественно-научный мозг! – сказала капитан команды, та самая менструальная художница. Жила и

творила она под псевдонимом Витя Краб.

Мы победили, и пошли отмечать это в лофт-бар. Любой подвал, куда повесили пару поп-арт-картин, называется лофтом. Аринины друзья водили нас только по таким местам.

Они опять затянули свои бесконечные умные беседы, а я задремал: накануне было дежурство.

– Нет, Лео, ну ты послушай, что они несут!... – услышал я возмущённый Аринин голосок.

– Что-что? Прости, я прослушал...

– Вот я у Оленьки сейчас спросила: а если в садик, куда ее Полина ходить будет, пойдет ребенок с ВИЧ, Оленька же не будет против? Оленька же у нас не позорный фоб?..

– А как же страдания животных?.. – встряла веганка Лиза, но её никто не слушал и парировать не стал.

– Ариш, не кипятись, – пьяно улыбнулась студентка искусствоведческого Оля, прижимая к груди годовалую дочку, которую она повсюду таскала с собой. – Я же не призываю создавать какие-то там ВИЧ-гетто. Не говорю, что этих деток надо убить при рождении, не дай бог, или что их надо изолировать. Просто я хочу знать, с кем контактирует мой ребенок. Это мое право как матери. Вот Польша вырастет – тогда и решит сама, общаться ей с такими людьми или нет.

– Какими “такими”? – интересуюсь я.

– Ну, вичёвыми этими, – поясняет Оля. – В конце концов, в садиковом возрасте дети ничего ещё не соотносят. Кусаются, царапаются. Мало ли что. Лучше перебдеть.

– ВИЧ не передается при укусах и царапинах. Ты описываешь нереальные ситуации, – спорю я. – И потом, ладно садик. Но школа? Институт? Работа? Совсем изолироваться от них у нас с вами не получится...

Приехали. “У нас с вами”. Лихо я себя к здоровым-то причислил. Опять смалодушничал.

– Подождите, но вот животные на фермах, им же еще хуже... – снова попыталась вмешаться в разговор Лиза, но её опять проигнорировали.

– А разве, разве ВИЧ-инфицированные дети доживают до института? – удивляется Витя Краб. – Я слышала, что живут они максимум десять лет, и всё...

– Нет, они живут вроде бы немного подольше, – глухо ответил я.

Наверно, все заметили, что мое настроение ухудшилось. Только бы они не поняли, что все это касается лично меня...

А тем временем Витя Краб продолжала делиться своими мыслями:

– Вот Ариша ратует за права вичёвых. Это все, может, и правильно, но разве нет у нашего общества проблем поважнее?.. Разве это они – самая уязвленная группа? Смешно защищать людей, которые по своей же глупости, в основном, заразились, да еще и бесплатные лекарства получают от государства. А если они комплексуют по поводу своего диагноза, то вперед к психологу или в церковь к попам – грехи замаливать, но не надо строить из себя бедных овечек,

несправедливо обиженных. Нужно отстаивать только права женщин с ВИЧ, ведь их же мужло заражает, на наркоту сажают тоже они. Но мужики с этим вирусом?.. Вот их точно в гетто! Ты, кстати, подписалась на паблик, который я тебе скинула?..

– Нет уж, спасибо, – усмехнулась Арина. – Я же подмышки брею...

– Да я не против бритья подмышек! – воскликнула Витя Краб. – Ты только себе ответь на вопрос, для кого ты это делаешь. И ответ очевиден – мужло диктует! Они видят в тебе игрушку для секса! Но ты же человек! Почему ты должна быть стройной, сексуальной и выбритой там, где им надо? В конце концов, когда я перестала брить подмышки, я именно тогда поняла, что я – человек, а не средство для удовлетворения похоти.

И тут, я вам клянусь, она сняла свитер и подняла руки. Из подмышек торчали густые розовые кусты. Да, волосы в подмышках она красила в розовый. Меня чуть не стошнило.

Подошел официант и попросил её одеться.

– А вы способны видеть в женщине только сексуальный объект? – стала напирать на него Витя Краб. – А если парень, сидящий за этим столом, снимет верх, ему же за это ничего не будет? Почему то, что можно мужикам, запрещено женщинам? Причём мы-то, женщины, в лифчиках, а они – нет. Парадокс!..

– Вообще, у нас и мужчины должны быть полностью оде-

ты, – сглотнул слюну несчастный официант. – Таковы правила заведения.

– Мы, наверное, пойдем, – сказал я. – Вечер был очень познавательным...

– Ненавижу их всех, – распалялась Арина по дороге домой. – Почему они такие тупые и бесчувственные? И ведь считают, что борются за добро. Смех, да и только. Одна вот подмышки не бреет и красит, другая кормит грудью на каждом углу показательно, третья настолько прониклась идеями ненасилия, что котов одуванчиками кормит. Идиотки. Мирто и не в курсе, что они его, оказывается, преображают. Они хотят быть феминистками, благотворителями, защитниками животных, естественными родителями, ещё хрен знает кем... Человеком, б****, никто быть не хочет!.. А главное, любого, кто от них отличается, они сожрут и не подавятся. Не переносу травлю!..

– Эти их разговоры – это ещё не травля, – усмехнулся я. – А вот когда я в тринадцать лет в санаторий попал, вот там мне устроили. Я не особо верю в ад, но там было что-то вроде него, это точно.

Манту у меня в то лето вскочила с перепелиное яйцо, вздулись лимфоузлы. Впервые мне стало страшно. Я ощутил реальное присутствие болезни. Впрочем, в тот период (пик переходного возраста – 13 лет) суицидальные мысли особенно часто одолевали меня, поэтому я быстро успокоился: ту-

бик – значит тубик. Тогда я думал, что неизлечимо больной может быть только фаталистом.

Оказалось, всё не так страшно, и жизни моей ничто не угрожает. Всего-то надо подлечиться в тубсанатории.

К тому же был очевидный плюс – перспектива не видеть бабушку пару месяцев. Она радовалась этому, кстати, пуще меня.

С дороги казалось, что никакого санатория тут и нет, а один сплошной лес. Ёлки и сосны – глухой колкой стеной.

Меня высадили из автобуса раньше всех.

– Жить будешь вот в этом корпусе, – голос воспиталки был тверже гранита. – На первом этаже твоя палата. А на второй не ходи. Там у нас рабочие ночуют, если не успели на автобусе уехать. Понял?

Я кивнул.

– Хотя нет, не понял, – говорю. – А я что, один жить буду?

– А ты как думал? – удивилась воспиталка. – С твоим-то ВИЧем...

– Но ВИЧ не передаётся в быту, – возразил я. – В наше время это каждый знает...

– Как у тебя всё просто! “Не передаётся в быту”! А мы не хотим брать на себя ответственность и контролировать каждый твой шаг. Может, ты с кем-то клятву на крови сделаешь! Да и сексом вы сейчас чуть ли не с детского сада занимаетесь! В общем, слушай. Душ и туалет у тебя здесь, отдельные. В столовую будешь ходить со всеми, но для тебя будет

выделен отдельный стол. На процедуры тебя будем приглашать. Ясно? Счастливого отдохнуть!

Мне хотелось убить эту с***. Я разрыдался. Тогда я ещё частенько плакал. Детство...

Через пару дней я, впрочем, привык к своему особому статусу. А вот в глазах остальных обитателей санатория я был каким-то несусветным чудом. Все думали-гадали, почему меня держат отдельно. Особенно девчонки. Я чувствовал, что многим из них я нравлюсь, и не в последнюю очередь из-за этого ореола таинственности. Из этих многих, наконец, отделилась одна, Маша. Она была из так называемого “благополучного корпуса”. (Корпусов было два: один для детдомовцев и детей пьющих родителей и другой – для нормальных.) Ещё был я, но для всех меня как бы не было.

Однажды днём сквозь сон я услышал стук в окно (я вообще почти постоянно спал, а что было ещё делать?). Это была та самая Маша. Она частенько на меня смотрела в столовке.

– Что тебе надо? Если узнают, что ты сюда приходила, тебе не поздоровится.

Маша была хорошо одета. Лицо неглупой девчонки, возможно, даже отличницы.

– Мне просто интересно, – сказала она, – да всем интересно, кто ты такой? Почему ты отдельно от всех? У тебя что, открытая форма? Но с открытой же в санаторий не отправляют...

Я не знал, что ответить. Пришлось сказать:

– Не твоё дело!

– Почему ты так реагируешь? – обиделась Маша. – Ладно, не хочешь говорить – не говори. На дискотеку придешь сегодня в семь? Мы все тебя ждём.

– Я не умею танцевать.

– Всё равно приходи.

Сразу после ужина я завалился спать. Какая мне дискотека?.. Не хотел я их внимания, а в этой ситуации мне было бы его не избежать.

Ночью я проснулся от ощущения, что на меня кто-то смотрит. Перед моей кроватью стояла Маша в платье с бу-синками по всей длине.

– Иди отсюда, – сказал я. – Ты с ума сошла, что ли?

– Я просто хочу узнать, кто ты такой! – твердила Маша. – Тебе что, трудно ответить, почему ты тут, почему ты ешь за отдельным столом, почему твоя посуда помечена?..

– Б**, – выругался я. – Ну, ВИЧ у меня, ВИЧ! Теперь ты отвалишь от меня, наконец?!

– Какой еще ВИЧ? – оторопела Маша. – Это который СПИД?

– Да, это который СПИД, чума XX века и все такое. Маша молча удалилась.

Прошёл день, может, два, и как-то утром меня разбудила та самая воспиталка с гранитным голосом.

– Собирайся! Тебя сегодня выписывают!

– Но прошла только неделя... А лечиться положено два

месяца.

– Тебя переводят в другой санаторий. Тут такие баталии развернулись. Родители некоторых детей сказали, что вообще заберут их, если вичёвый тут останется... Нам нужны из-за тебя такие проблемы?

– Чтоб вы все сдохли, твари, – процедил я.

А что я еще мог сказать?

Меня перевезли километров за пятьдесят от того санатория. Ёлок и сосен здесь было уже меньше. “Благополучного” корпуса не было тоже. И селить отдельно меня никто не думал – здесь для этого просто не было места.

Определили меня в шестиместную палату к воспитанникам детского дома “Солнышко”. Эти тринадцати-четырнадцатилетние солнышки были, конечно, не очень любезны. Мне тут же пришлось вывернуть все карманы, но взять с меня было нечего. Да я к тому же не курил. За что сразу получил по морде.

– Я не советую связываться со мной, – сказал я солнышкам. – Я очень опасно и заразно болен. У меня СПИД.

Я надеялся, что, узнав о таком страшном моем заболевании, солнышки будут меня избегать.

Но в ответ мне слегка отбили почки.

А потом... потом я сквозь сон почувствовал приятную прохладу на лице. Будто нырнул в июньское озеро. Ещё и ещё. Хороший сон, почаще бы снились подобные. Но блин, что такое?! Ноздри вдруг забиваются то ли илом, то ли мок-

рым песком... Кажется, по мне кто-то прополз...

Я открываю глаза. Понимаю: я засыпан сырой землей. Меня исследуют жадные черви.

– Это земля с кладбища! – слышу я голоса моих соседей по палате. – Давай подыхай скорее, придурок! Спидушный отстойник! Жри землю, гад!

Что было дальше, я слабо помню. Кажется, я пытался с ними драться, но получалось плохо, и земля смешивалась с моей кровью. Это было опасно. На мне все медленно заживает.

Я убежал. Уснул где-то под сосной, прямо на иголках. Наутро меня обнаружили санаторные врачи. Юная медсестра паниковала, прежде чем начать обработку моей кожи.

– А точно через перчатки ничего не передается? – спрашивала она у врача. – А если на слизистую глаз что-то попадет?..

– Противогаз наденьте, – посоветовал я.

В этот же день меня отправили в больницу родного города. Бабушка кляла меня на чем свет стоит. Я, идиот, за государственные деньги даже в санатории отлежать не могу. Никакого спасу от меня нет.

На группы для живущих с ВИЧ я теперь хожу частенько. Иногда за мной увязывается Арина. Она слушает истории этих людей подчас со слезами. И мне кажется, что кожи у неё совсем нет. Всё принимает близко к сердцу, её касается

всё. И я невольно перенимаю её отношение к ним. Хотя мне и в новинку слушать других людей. Слушать и слышать.

– Он сказал, что мы обязательно поженимся, понимаете? Я серьёзная девушка, верующая и к тому же дочь священника. Ох, папе про ВИЧ никогда, наверно, не скажу... А ведь это он меня с ним и познакомил. Вот, говорит, это Дима, наш новый чтец. В семинарии учится. Весь такой серьёзный, ответственный. Провстречались мы с ним три месяца, и он начал намекать, ну, вы понимаете... А это же грех. Нельзя до венчания. Но он сказал – какая разница, сейчас или через полгода? Свадьба у нас уже назначена была на лето... А это была зима... Ну, я и согласилась. И ещё, и ещё... Я себе этого никогда не прощу! Если бы не мои грехи, то я была бы здорова!

А потом он сильно заболел. Три недели температурил. Но к врачам не хотел идти. Я сколько его уговаривала – бесполезно. А потом в церкви упал в обморок. Ну, так я и узнала, он мне рассказал, когда я в больницу пришла. Оказывается, раньше кололся. Знал, что ВИЧ-инфицирован, но чувствовал себя хорошо, о диагнозе предпочитал не думать. А я-то, не поверите, как узнала про его болезнь, всё думала: “Как же теперь, как его лечить, как спасти?”. Мне и в голову поначалу не пришло, что и я могла заразиться, что наверняка заразилась. А потом мне позвонили из СПИД-центра, мол, вы – контактная, сдайте на антитела. Вот так всё и рухнуло. В девятнадцать лет, выходит, заразилась. От первого и един-

ственного мужчины...

– А сейчас, сейчас ты с ним общаешься? – шмыгнула носом Арина.

Даша, её зовут Даша, отрицательно покачала головой.

– Он сам со мной всё общение прекратил. Наверно, ему стыдно. Но я его не виню. Сама виновата. Должна быть голова на плечах...

– Ой, да прекрати, – взвился я. – Виновата она! Сволочь он, твой Дима! Кстати, ты знаешь, откуда пошло слово “сволочь”? Так как раз этих поповских прислужников называли... Он не любил тебя ни капельки. И если ты такая верующая, то должна понимать, что после того, как он сдохнет, надеюсь мучительно, его в иных мирах хорошенько отдерут за такие гадкие дела!..

На меня все зашипели.

– Ребят, спасибо вам за поддержку, – с чувством говорила Даша. – Храни вас всех Господь, если бы не вы, я бы сошла с ума. Но про Диму так не надо. Человек он неплохой, просто запутался в жизни, но я уверена, что Бог наставляет его потихоньку на истинный путь. Я его не осуждаю за то, что он мне ничего не сказал. Я знаю, теперь знаю, как тяжело признаться в этом диагнозе. У меня, кроме вас, только мама знает. Она плакала, конечно, и даже немножко кричала, но мы в итоге даже ближе стали... А больше никому не могу сказать. Боюсь. Вот и он боялся...

Несмотря на то, что я готов был всё своё время проводить с Ариной, я все же старался брать побольше дежурств. Нужны были деньги. Я теперь чувствовал ответственность не только за себя, и мне это нравилось, черт побери.

А вот Рома теперь не так часто появлялся в морге. Говорил, учиться тяжело, времени нет. Но мне смутно казалось, что причина не в этом.

Наконец, нам выпало совместное дежурство.

– Ром, у тебя все в порядке?

– Нет, честно говоря, у меня все плохо.

– Что случилось?

– Не могу... не могу об этом говорить... Тяжело.

– Ладно. Но если надумаешь – Расскажи. Помогу чем могу.

– Спасибо, я знаю, ты от души. Но помочь мне вряд ли кто-то может. Сколько в мире ненависти, агрессии... Уж ты-то знаешь.

– Ну и что? Ну, ненависть, ну, агрессия... Ты как с луны упал. Мир у нас хреновый, это не новость, но чтобы жить в нём стало легче, надо принять себя. Это мне Арина постоянно твердит. И это абсолютная правда.

– Ну да, ну да, что-то я расклеился. Давай работать.

Это дежурство прошло спокойно, если не считать, что нам пришлось самостоятельно вскрыть труп. Ранее мы при этом, конечно, присутствовали, но просто выполняли просьбы патологоанатома (разложить органы по пакетикам, подать

скальпель и прочее). Но у Андреича накануне как раз был юбилей, и он попросил нас похозяйничать в покойницкой, а сам удалился спать.

Я был воодушевлён как никогда. Держать скальпель в руках – счастье же. А вот Рома побаивался:

– А если мы что-то сделаем не так?

– Ну, этому товарищу уже всё равно, – кивнул я на труп. – А все косяки, если что, возьмет на себя Андреич.

Но все прошло хорошо. Дорогого стоит, когда твои руки делают то, что должны. Мои созданы для того, чтобы проводить этот ласковый, но твердый пунктир по коже. Жаль, что не суждено...

– Какой чудесный туберкулёз, – прошептал я. – Он тут везде!.. В лимфоузлах, легких, животе... Развёрнутейшая картина СПИДа. Коллеги по диагнозу, имя нам легион, твою ж мать...

– И что мы сделали? Фактически его закрытую форму туба перевели в открытую. Вентиляция – никакущая. Ты понимаешь, как мы рискуем?! И прежде всего – ты...

– Да перестань, не занудствуй... Как закончим – пойдем пивка попьем, а? Всё-таки стресс...

– Нет, у меня занятия с утра. Мне бы хоть часик поспать. После дежурства мы остановились на крыльце.

– Слушай, – сказал Рома. – Дубак на улице, одолжи мне свой свитер, если не сложно? У тебя куртка вроде потолще...

– Не вопрос, – сказал я и снял свитер.

Вот на фига я это сделал?! Почему мне сразу не пришло в голову, что он меня отсылает к эпизоду из моего же любимого романа!.. Ведь он таким долгим взглядом на меня посмотрел...

На другой день мне позвонили из полиции. Сказали, что Рома повесился. Могу ли я приехать в отделение прямо сейчас?

Следователь ткнул в меня запиской, написанной Роминым почерком: “Я и так не живу. Я, может быть, и не жил никогда. Мне не позволено быть собой. Так стоит ли вообще шевелиться? Лео, бро, прости меня за свитер. И за всё прости – я знаю, тебе будет больно, когда меня не станет. Но это пройдёт. Борись за то, чтобы всегда оставаться собой. Борись за Арину. Я не буду говорить, что всё будет хорошо. Но в том, что ты всё выдержишь, я не сомневаюсь”.

– Кто не позволял Федянину быть собой? – спрашивал следователь. – На кого он был так обижен? И почему вам нужно бороться за себя и некую Арину?

– Я не знаю, – подавленно бормотал я. – Он последнее время и правда был потерян... Но он толком ничего не говорил, я не знал, как ему помочь... А почему мне нужно бороться – это к делу отношения не имеет...

– Кроме вас, с кем еще общался Федянин?

– В школе у него друзей не было. В институте он тоже вроде ни с кем не успел подружиться...

– Странно... А девушка у него была?

– Нет. По-моему, у него девушки вообще никогда не было...

– Какие у него были отношения с родителями?

– Отец с ними не жил. А с мамой... ну, нормальные, но не особо близкие, думаю.

– Дааа, Спирин, мало вы знаете о своем лучшем, между прочим, друге...

– Я плохой друг...

Это мало сказать – “плохой друг”. Боже, как я себя ненавидел в эти минуты. Как я мог прошляпить тебя, Ромка?!

Дома Арина мне сказала:

– Пойдём к его маме. Как ей, наверно, сейчас ужасно. А мы же в записке... Ей-то он ни слова не написал на прощание...

Ромкина мама, всегда казавшаяся мне ослепительно, почти неприлично красивой, сейчас напоминала серый памятник скорбящей матери. В каждом городе такой есть... Значит, реалистично их делают, эти памятники...

Мы пытались говорить ей какие-то слова, которые, конечно, звучали ненатурально. Она никак не реагировала. Но на прощание сказала:

– Вот вы – пара. Вот у вас будут дети. А Ромка был на это не способен... Да чего он вообще хотел и, главное, что он мог?.. Какое его ждало будущее, если он..? Не поймите меня неправильно, но, может, оно и к лучшему?.. Я знаю, грех так говорить, всё-таки я мать. Но он же был не как все...

И тут я понял. Всё сложилось.

– Уходите, мне тяжело вас видеть, – сказала она.

– Вам вообще как, нормально жить с тем, что вы толкнули своего сына в петлю?... – спрашиваю.

– Да ты хоть понимаешь, что я пережила с тех пор, как он мне рассказал?! Уже два года, как я живу с этим кошмаром! – разрыдалась она, но по мере рассказа успокаивалась и говорила все более складно. – Сначала думала – пройдет. Это всё пропаганда... По телевизору все певцы то ли мужики, то ли бабы... трусы торчат... В интернете все эти паблики, ужас, что там пишут, и главное – все имеют своё мнение, никто ни о чём не стыдится сказать... Одно дело, если бы Рома был нормальный физически и психически, а так...

– Хорошо же вы себя оправдываете! – воскликнула Арина.

А я ничего не мог сказать. Я только мысленно орал:

– Господи! Ты там что, офигел?! Люди мы все или кто?!

Потеряв единственного друга, я ещё больше стал ценить Арину.

Она строила очень обширные планы на будущее. Я ими тоже проникся. Совсем ещё недавно я запрещал себе даже думать о том, что будет через год, пять или пятнадцать лет. Прежняя психологиня из СПИД-центра говорила мне: живи в отсеке сегодняшнего дня. Теперь, благодаря человеку, решившему быть со мной рядом, я осторожно поднимаю голо-

ву из отсека, и, когда смотрю вдаль, хочется видеть только хорошее.

– Через полтора года мне исполнится восемнадцать, и мы поженимся. Я сразу же забеременею. Рожу мальчика, а следом – девочку. Я считаю, дети должны быть погодками: вместе расти веселее.

– А вирус в придачу к погодкам не хочешь? – издеваюсь я.

– Ой, не надо. Я в этом вопросе теперь прекрасно подкована. Есть все возможности годами жить в браке с ВИЧ+ и не заражаться. И детей рожать здоровых. Такие пары называются дискор...

– Дискордантными, – помогаю я.

– Точно! Так что от семейного счастья тебе не отвертеться!

– А высшего образования мадемуазель получить не желает?

– Блин, ну понимаешь, к точным наукам я не способна, а идти на все эти лажовые гуманитарные специальности просто глупо. Не, ну на филфак можно, конечно. Шлифануть литературный вкус. Но не уверена, что игра стоит свеч...

Идеи в тот день сыпались из Арины как из рога изобилия.

– Я ещё кое-что придумала.

– Что?

– Усыновить “плюсика”!

– В браке со мной не получится. ВИЧ-положительным запрещено усыновлять детей.

– Какого хрена?! Чем ты хуже других?! Ничего, мы им всем ещё покажем... – угрожала она.

В такие минуты забывалось, что на плите давно свистит чайник, что телевизор работает впустую, что первую пару и первый урок мы уже пропустили...

– Я заразился от одной наглой твари, – вещал на группе взаимопомощи бывший депутат местного горсовета Линьков. – Она вертелась около меня пару месяцев. Она мне и не нравилась-то! Совершенно не в моем вкусе! Напоила меня, уговорила. И пропала. А через год я узнаю – опаньки, ВИЧ! Я уверен, это просто диверсия какая-то. Под меня её подложили политические конкуренты.

На этой фразе никто из нас не смог сдержать улыбку.

– Я как от шока отошел, думал, главное, чтоб никто не узнал, – продолжал он. – Наивный, думал, врачебную тайну у нас хранят. Но нет, все анализы же мы сдавали в нашей спецполиклинике – там все депутаты, вся администрация обслуживается... И врач всё рассказал кому следует. Мне настойчиво, так сказать, порекомендовали положить мандат на стол. Я пробовал спорить – бесполезно. Не дали бы мне работать. Так что из-за этой вичёвой с*** вся моя карьера коту под хвост!

– Разве из-за неё? – осторожно возражает Света. – Всему виной нетерпимость нашего общества к ВИЧ-положительным...

– Всё равно, если увижу ее, убью! – забегал по залу Линьков. – Я, конечно, пробивал её адрес... Адреса матери, по-друг... Нигде её нет. Она в розыске давно – не могут найти. Как испарилась.

– Может, умерла... – сказал кто-то.

– Надеюсь! – воскликнул Линьков. – Такую карьеру мне загубила! Было столько планов... Я мог проекты для региона на миллионы проворачивать. А теперь что?.. Кто я? Владелец двух точек по ремонту мобильных. Мелко...

– Зато какая независимость, – улыбнулась Света. – Работаешь на себя, и не надо волноваться, кто и что про тебя скажет...

Линьков кивнул. Я видел – этот кивок дался ему нелегко.

Прихожу с учёбы, а Арина встречает меня истеричным вопросом:

– Это что за курица?!

– Ты о чём?

– Приехала к тебе... – кивнула она на чужую пару обуви.

Я чуть не упал, когда из комнаты мне навстречу шагнула Наташа, моя двоюродная сестра.

– Лёвочка, привет! – она кинулась мне на шею. – Как же я соскучилась!..

– Твоя мама тебя убьет, – только и мог сказать я.

Не знаю, был ли я рад ее видеть. Я уж и забыл почти о существовании их семьи...

– Мне скоро двадцать лет! Я уже большая девочка, и сама могу решать, с кем мне общаться.

Арина нервно крутила дреды.

– А вы уже познакомились? – спохватился я. – Это Арина, моя любимая малышка, а это Наташа – моя двоюродная сестра.

– Сводная двоюродная, – уточнила Наташа.

– Ну, какая разница, – развел я руками. – Сестра она и есть сестра.

– А я приехала не просто в гости. Я же в ваш институт перевелась. Обещали дать общежитие. Но только через месяц. Я поживу у тебя, Лёв?..

– У нас места нет, – процедила Арина.

– Тут два дивана, диванчик, – в том же тоне ответила ей Наташа. – И вообще, это квартира принадлежала моей бабушке. Считаю, я вполне имею право тут быть, если хочу.

– Ладно, тогда уйду я, – психанула Арина и хлопнула входной дверью.

– Наташ, ты тут, пожалуйста, располагайся, а я пойду догоню её. Не обижайся, ладно?!

И не дожидаясь ответа, я рванул вслед за Ариной.

Она плакала на площадке между первым и вторым этажами.

– Ариш, не тупи, – увещевал её я. – Это действительно моя сестра, я же не могу её на улицу выставить. Не по-человечески как-то.

– Да какая она тебе сестра?! Ты что, не видишь, как она на тебя смотрит?! Она оттрахать тебя хочет, идиот! И если ты будешь такой добренький, не удивлюсь, если у неё это получится!

– Да зачем я ей нужен. С моим-то заболеванием, – усмехнулся я. – А даже если и так, главное, что я с ней, как ты выражаешься, трахаться не собираюсь. Я вообще всю свою жизнь, сколько мне там осталось, собираюсь делать это только с тобой...

– Правда?

– Ну конечно.

– Она же некрасивая, да? Просто уродина, правда?

Я смеюсь.

– Что ты ржёшь? Ты согласен, что она страшная?!

– Ну, естественно, естественно, – и я прижимаю эту маленькую дурочку к груди.

Наташа действительно использовала весь арсенал избытых женских приемов, чтобы обратить на себя мое внимание. Чёрт побери, ещё полгода назад, до знакомства с Ариной, я бы всё отдал за такое к себе отношение, но теперь мне было совершенно всё равно. Хотя нет, скорее немного смешно. Даже не думал, что я такой однолюб...

Она провела у нас дней пять. Как-то, когда Арины не было, я решил поговорить с Наташей, что называется, по-хорошему.

– Наташ, я же всё вижу и всё понимаю. Заканчивай. Я

люблю Арину. И никто другой мне понравиться просто не может...

Её лицо покрылось красными пятнами.

– Я ради тебя всей своей жизнью в родном городе пожертвовала! Пошла против своей матери! Она же звонила, она поняла, где я! Устроила мне истерику, сказала, всё равно заберет меня отсюда! А я на всё готова ради тебя, понимаешь ты это?! С детства тебя люблю. И не забывай – ты больной, а я здоровая! Но мне это всё равно, я готова нести этот крест. А ты вот так, значит, да?

– Я не крест, не надо меня никуда нести...

– Я всё равно тебя люблю и буду тебя ждать.

Я уже вызывал ей такси, чтобы скорее закончить эту мелодраму.

Может, из того, что я написал, у вас сложилось мнение, что я какой-то нытик и всегда всем недоволен, но это не так. Вот свой институт я искренне полюбил. Главным образом за тех людей, с кем я там познакомился.

Например, Игорь. Мы частенько сидели вместе. Игорь был мне симпатичен своей нормальностью. Я люблю таких людей. Их не сломит ничто. Думаю, если б ему поставили мой диагноз, он бы печалился не больше двух дней.

Как-то я обмолвился, что у меня много книг. Но классика, оставшаяся от прежней хозяйки квартиры, его не интересовала.

– Посовременнее что-то есть? – спросил Игорь.

И тут я вспомнил, что у меня сохранилась целая стопка маминых книг. Собственно, это всё, что от неё у меня и осталось. Ну, и фотки её. Но я стараюсь не трогать мамины вещи. Я избегаю всего, что хранит память о ней.

– Есть иностранные книги девяностых годов выпуска. Пойдут?

– То, что нужно! – обрадовался Игорь.

Он выбрал несколько книг. “На игле” Уэлша (большая удача, что у меня есть эта книга, её ведь в магазинах теперь не найти, сказал Игорь), Берроуза “Обед нагишом” и Томпсона “Страх и ненависть в Лас-Вегасе”.

– Всё-таки в наркокультуре что-то есть, – сказал он. – Уэлшевский Марк Рентон ведь сознательно колется. В его жизни, благодаря этому, есть хоть какие-то вспышки. Пусть это всё ведет в могилу. Зато он живёт не так, как весь этот средний класс.

Наркокультура. Ага. Так вот как называется то, что отняло у меня возможность быть здоровым – наркокультура. И я отвечаю:

– Моя мама умерла от передозировки. Ей было 25 лет. Я вырос, даже не узнав, что такое – быть чьим-то сыном...

– А почему она стала наркоманкой, почему выбрала такую жизнь?

– Понятия не имею. Слишком любила моего отца? Господи, как я его ненавижу, это же все он... Хотя, не знаю, может,

она просто не видела смысла в жизни? Или ей, как ты и говоришь, обрыдло все, что она видела вокруг? А вообще, “наркокультура”, “наркокультура”... Хорошо рассуждать, книжки об этом почитать, когда тебя это не касается...

В голове пронеслось: зачем я это говорю? Еще минута, я и про ВИЧ проболтаюсь...

А Игорь сказал:

– Это очень больно, мне не понять, как это ужасно... Знать, что мать променяла тебя на наркоту... Врагу не пожелаешь. Но если бы она была жива?.. Кем бы она стала? Ты никогда не думал? Вот моя мать. Жива и здорова. Она сделала себя сама, успешная женщина. У нее фирма по производству офисных стульев. Стульев офисных, понимаешь? Когда я в прошлом году сказал, что хочу поступать на биофак, она только посмеялась. Говорит, поступай, но через пять лет в любом случае будешь моим исполнительным директором. В любом случае!.. А я в гробу эти офисные стулья видел... Ладно, вроде более-менее донес до нее, что хочу быть биоинженером. Она, конечно, и слова-то такого не знает... А тут как-то недавно рассказывал ей про нашего Петра Петровича, ну, какой он классный, что он месяцами может не вылезать из лаборатории, что каждый ген он изучает до мельчайшей морщинки... А она вдруг посмотрела на меня, как на насекомое, и говорит, мол, а какая зарплата у твоего Петра Петровича? Я говорю: не знаю точно, 20–25 тысяч, наверное, как у всех преподавов, а что? А она: а то, что люди, которые

получают 20 тысяч, ничему не могут научить, ну разве что только, как стать такими же неудачниками. Представляешь? В общем, не хочу я жить, как моя мать, как ее друзья и коллеги. Пошли они все. Захочу – сторчусь нафиг...

– Или станешь таким же ботаником на всю голову, как Петр Петрович, – вставил я. – А можно совместить: бадяжить какую-нибудь наркоту и получать за это кучу бабла...

Мы от души смеемся. Даже, можно сказать, ржем.

Я не ожидал, что внутри Игоря такой надрыв. Не такой уж он и нормальный, как я думал. Это не плохо, конечно. Это даже хорошо.

Но мне почему-то кажется, что Игорь всё равно станет исполнительным директором.

С детства живу с ощущением, что скоро меня настигнет полный крах. И это неминуемо происходит.

Это, кажется, было утро субботы. Мы с Ариной что-то жевали, обсуждая, куда бы нам сходить. Вдруг – звонок в домофон.

На пороге стояла Нина. В неплохом расположении духа.

– Я приехала посмотреть, как ты живешь, вичушничек мой. Молодец, что не поддался на Наташкины чары...

– Я отлично. А как она?

– Переживет... А это, значит, твоя девушка?..

– Ну да, несложно догадаться, – встряла Арина. – На батарее же сушатся женские трусы, сами видите...

– Боже, девочка, кто ты? Откуда ты взялась?

– Демидова Арина Михайловна, 1999 года рождения, живу в десятый класс, рост 165, вес 45. Безумно люблю этого вичушника. Презрение своё с лица подотрите, а то аж капает!.. Вы вообще кто такая? Та самая добрая тётя, которая маленького Лёвочку опекала? Ну, конечно, ребёнка любить легко... А вот взрослый вичёвый – совсем другое дело, правда? Шли бы вы отсюда...

– А ничего, что это не только его квартира, но и моя?! – вспыхнула Нина. – Мама оставила половину квартиры ему, половину – мне. Она хотела всё на меня переписать, она думала, Лёвке всё равно, наверно, недолго осталось... Но я же добрая, я настояла, чтоб пополам. А теперь я такое выслушиваю! Уму непостижимо!

– Если хочешь, продадим квартиру, а деньги разделим, – устало сказал я. – На комнату в коммуналке мне хватит? Хватит. А ты просто забудешь, что я есть. Собственно, ведь ты и так забыла...

– Я имею на это право, – пожала плечами Нина. – По сути, ты мне никто...

– Ну и вали отсюда, п**** бессердечная! – заорала Арина. Мне показалось, она сейчас Нину ударит.

– Успокойся, малышка, – сказал я. – Нин, правда, уходи. Сообщи мне о своем решении по квартире. Я ничего против тебя не имею. Ты мне ничего плохого не сделала, да и я тебе вроде тоже. Так о чём разговор? До свидания.

– Ты что, идиот?! Ты не понимаешь, что ли, какому риску ты подвергаешь эту девчонку безмозглую?!

– Никакого риска нет, – парировала Арина. – Но ты такая тупая, что тебе и объяснять это западло.

– Ах, вот так, – скрестила руки Нина. – Хорошо, посмотрим, какое вас ждет будущее.

Мы ничего не заподозрили. Обнимались так, будто впереди для этого оставалось бесчисленное количество дней. Знали бы, что будет впереди – вовсе не размыкали бы рук... А вообще, надо было куда-нибудь бежать. К сожалению, это не пришло нам в голову, а планета Земля вдруг закрутилась быстрее обычного.

В общем-то, всё в эти дни шло не так. На ставшие уже привычными мне встречи с ВИЧ-позитивными вдруг перестала ходить Света. Я позвонил ей.

– А я пью, – сообщила она мне. – Моя Кэт умерла...

Кэт была её лучшей подругой. Однажды она пришла на нашу встречу, но сидела молча. Света позже обмолвилась, что Кэт не лечилась, хотя иммунный статус стремился к нулю.

– Мы кололись на пару... Одним шприцем. Почти десять лет. Представляешь? Обе завязали. Помню, когда первый раз сдали на вирусную нагрузку, она у нас была почти одинаковая... Даже в этом как сестры. Прошло несколько лет, подошло время пить терапию, я начала, а Кэт наотрез отказалась.

Говорила: слезть с одной химии, чтоб пожизненно сесть на другую? Она же сажает печень, да и по всем органам бьёт, как это можно пить добровольно? Умерла она от менингита. Банально для тех, кто не лечится...

– Не поверю, что и умирая, она не понимала, как лажанулась.

– Понимала. И согласна была подключить терапию. Но было уже поздно.

– Извини, но она просто дура... Я иногда отказываюсь понимать вас, заразившихся уже взрослыми. Ведёте себя хуже детей...

– Знаешь, все мои друзья склонны к саморазрушению. Оно и понятно: весь мой бывший круг общения – системщики. Да что говорить, больше половины и нет уже в живых. От СПИДа, правда, единицы умерли – большинство до него не дожили. Умерли от передоза. Один за другим передоз, передоз, передоз... Мы с Кэт выбрались, вылезли... И ради чего? Чтоб её СПИД сожрал?

– Не он её сожрал... Она сама себя ему скормила.

– У неё дочка осталась. Ксюша. Шесть лет. Тоже с плюсом. До недавнего времени всё у Ксю было хорошо. Внешне здоровый ребёнок был. Мне Кэт клялась, что она у неё здоровая родилась. Чтоб я, видимо, не лезла со своими “ядами”...

– А сейчас что с ней?

– Сейчас в больнице. Дело плохо. Пятьдесят пять клеток. Но твой Санпалыч говорит, что надежда есть...

– Хм, мать умерла, сделав этим одолжение дочери... Хотя какой-то шанс выжить.

– Выживет, допустим, а что дальше? Детский дом? Я б её удочерила... Но по закону нельзя... Я всех своих детей абортировала. В сорок пять у некоторых уже внуки, а у меня – никого, только кладбище друзей-наркоманов... Ладно, себя жалеть не буду. А вот Ксюшку жалко. Чёртов закон...

Через паузу я подвёл разговор к завершению:

– У твоей Ксюшки один путь – выжить, а потом жить всем назло. А что нам, плюсовым детям, еще остается?!

– Я убью тебя! Я просто убью тебя! Ариночка, ну скажи мне, деточка, он же, наверное, скрывал это от тебя?.. Сама бы ты не легла бы с вичёвым, ты же умная девочка, правда же?

– Откуда ты знаешь про ВИЧ? – спросила Арина.

– Мне тётка его “ВКонтакте” написала. Хорошая женщина, спасибо ей, а то бы я и не знала! Боже мой! Какая дура я была! Никому же нельзя доверять! Давай собирайся. Поехали домой...

– Мама, замолчи. Я никуда не пойду, – жёстко сказала Арина.

В одну минуту она повзрослела. Я четко это увидел.

– Господи, что же делать-то?! – причитала Галина Геннадьевна. – Мне сказали, анализ только через три месяца сдать можно... А пока так и жить в неведении... Сажать надо та-

ких, как ты!..

Я старался сохранять спокойствие. Я слабо, но всё же надеялся, что мои объяснения могут как-то повлиять (“У меня неопределяемая вирусная нагрузка, и даже если порвется презерватив, я не заражу ее. Я не инвалид, у меня ничего не болит. Люди живут годами вместе – положительные и отрицательные, и один в паре остается здоровым...”). Но это не работало. С двумя женскими истериками я ничего не мог поделать. Арина визжала громче своей паникующей матери, грозясь прямо сейчас выйти в окно с пятого этажа, если её посмеют разлучить со мной.

В конце концов, была привлечена тяжелая артиллерия. Дядя Володя просто вынес Арину из моей квартиры. Я не помню, что делал: сопротивлялся ли я? Пытался ли вырвать из их лап свою любовь? Может, и нет... Я снова сдался. Это ужасно. Я ненавидел себя.

Ты опять один, чувак, – сказал я зеркалу. – Все же было понятно. С самого начала. Не стоило и начинать. Жил без всяких сердечных привязанностей – и нормально. Ты что, забыл, что ты – прокажённый? Ты вичёвый, любить тебе не позволено, ну, если только таких же, как ты сам. Ты же – чёртов Квазимодо, хоть ты и симпатичен внешне. Внутри тебя – твоя уродливая тайна, и каждый, кто узнает про твой вирус, каждый с этой минуты имеет право тебе плюнуть в лицо, напомнить, что на счастье ты права не имеешь. Какая тебе Эсмеральда?.. Жри говно...

Для всех ты вооружен и очень опасен. Вооружен своим вирусом. Для всех, кто знает о твоём ВИЧ, ты – леденящее дуновение смерти. Ты для них – и убийца, и жертва. Иногда тебя даже заживо называют жертвой СПИДа. Превентивно, так сказать...

Но она!.. Для неё ты был человеком. Она в тебе увидела тебя. Что бы она сейчас сказала, поняв, что ты опустил руки и отказался от борьбы? Правильно, она бы выдала что-то вроде: “Спирин, я тебя ненавижу. Ты сраный предатель”.

И я решил: ни с одной потерей в жизни я больше не смирюсь. Нужно было снова её обрести. Я не знал, как, но я верил, что всё получится. Я ни во что так не верил в своей долбанной жизни. “Да-да, – говорил я себе. – Я прямо сейчас разработаю план действий. Только немного полежу...”

В голове мутнело, интуиция говорила: температура больше тридцати восьми.

Да, надо поспать.

Лимфоузлы вызывающе выступали из-под челюсти. Я выпил тройную дозу метазиды (начал курс еще с неделю назад, когда обнаружил первые признаки). Сегодня пришлось окончательно признаться себе в том, что у меня, кажется, туберкулез.

И я молил Бога – я не знал, какого, какого угодно, – чтобы это был не он...

Асфальтоукладчик, что ли, по мне едет? Жуткая нараста-

ющая боль. Лучше бы и не ложился спать. Взглянул на часы – я проспал половину суток. Вот, еще и слабость. А асфальтоукладчик все давит на грудь. Невыносимо. Я подался вперед, и из меня вырвался кашель.

Вместо того чтобы отвоёвывать у враждебного мира Ари-ну, я выкашливаю свои легкие. Прелестно.

Ну, привет, туберкулёз! Что ж, поехали в больничку? Там с тобой разберутся.

А следующая мысль: ну какая больница? Меня положат минимум на полгода. А то и на год. Как я без Арины? Как она без меня? Но горькая правда, и я это знал, была в том, что если не больница сегодня, то могила завтра.

Пусть это будет частью борьбы за мою малышку – моя борьба за жизнь.

Часть вторая

От капельниц я почему-то все время терял сознание. Врач называла это сном. Но мне казалось, что это был какой-то, мать твою, наркоз. Приходя в себя, я моментально вспоминал про Арину и начинал шарить рукой под подушкой и по тумбочке в поисках телефона, но не успевал закончить начатое, вновь погружаясь в небытие...

Только несколько дней спустя я наконец прочел все тридцать восемь накопившихся в памяти телефона сообщений. Она то кляла меня на чем свет стоит, обвиняя в предатель-

стве, то обеспокоенно спрашивала, где я, что со мной и как я себя чувствую? Пью ли таблетки? А потом снова упреки и угрозы, что если я продолжу её игнорировать, она возьмет и забеременеет от своего соседа по парте...

Я хотел написать ей что-то полусерьёзное. Ну, чтобы она была уверена, что я по-прежнему её люблю, но при этом не заподозрила, что моя нынешняя проблема со здоровьем размером с асфальтоукладчик... Но пальцы не слушались, ничего написать не получилось.

С трудом я сел на постели. Закашлялся. На звук повернулись соседи по палате. Спортивного вида азербайджанец жевал хурму и покачивал головой в такт национально-танцевальным песенкам, раздававшимся из его телефона. Очень худой парень увлеченно давил синим пальцем врагов в планшете. Обычный мужик, безликий, как продавец из “Евросети”, читал книгу. Они кратко взглянули на меня.

– Это какая палата? – спросил я, чтобы что-нибудь сказать.

– Четвёртая, – ответил азербайджанец.

– А по моим ощущениям, шестая... – буркнул безликий.

Я встал. Это было нелегко. Палата виделась в черно-зеленых тонах.

– Ты куда? – хором спросили соседи. – Тебе ещё лежать надо, посмотри на себя!..

– В туалет я...

– Какой тебе туалет? Утку вон возьми под койкой.

Мне восемнадцать лет, и мне предлагают ссать под себя. Нет, я лучше сдохну.

– Пацаны, скажите, где сортир? – умоляю я.

– В конце коридора, – отвечает азербайджанец. – Давай провожу тебя.

Мне он сразу понравился. Хороший парень. Джавад.

В туалете я достал телефон и набрал Аринин номер.

Она плакала.

– Куда ты пропал?

Я так и не придумал, что бы соврать. Пришлось сказать правду:

– Я в тубдиспансере.

– Я как чувствовала!.. Адрес говори! Какой диспансер?

– Ты с ума сошла... Тебя не пустят...

– Меня – пустят. Не сомневайся, – уверенно сказала Арина.

– Лучше скажи мне, мама твоя успокоилась?

– Она никогда не успокоится, – проворчала Арина. – Только если я её убью, вот тогда да...

– Глупости не говори. Послушай. Я отсюда выйду не очень скоро, наверное. Через полгода. Может, больше...

– Я умру без тебя, – всхлипнула Арина.

– Не перебивай. Мне хорошенько вылечат этот чертов туб и, надеюсь, он больше не вернется. Я выйду, и мы все равно будем вместе, несмотря ни на что, и твоя мама в конце концов поймёт, что разлучить нас просто невозможно... Сми-

рится.

Я услышал череду вопросов: что я ем, какие у меня условия, чем меня лечат, что говорят врачи, и ни на один не смог ответить. Я же в сознании почти и не был.

Арина плакала:

– А знаешь, я все-таки тебя ненавижу.

– Почему?

– Влюбить в себя человека означает посадить его на самый тяжелый наркотик.

– Ну что поделать, маленькая... Переломаемся. Мне не впервой, в конце концов...

– Все будет хорошо?

– Погодки будут. Или как там они называются... Мальчик и девочка.

Джавада собрались выписывать. Но он чуть ли не зубами вгрызлся в железную койку:

– Мне плохо, я работать не могу...

– Что вы мне голову морочите?! – отбивалась усталая пожилая врачиха Татьяна Ивановна. – У вас динамика исключительно положительная. Всем на зависть.

– А что я на рынке целыми днями?! Это ничего, да?! На меня работают таджики-маджики... Они не привитые... Чурки всякие... Опять заразят меня, и всё...

– Уймись ты! – замахала руками Татьяна Ивановна. – Кому ты про таджиков рассказываешь? У тебя ВИЧ сколько

лет?!.. Надо было вовремя вставать на учет и начинать терапию, чтоб не довести до туберкулёза. А то сам видишь что вышло.

– Ну, пожалуйста, – взмолился Джавад. – Ну, я вас, как мать, прошу. Как родную мать, да?.. Ну, пожалуйста. Еще месяц, умоляю. А потом что хотите, то и делайте...

Она разрешительно вздохнула и пошла к выходу.

– А я?.. А мне что скажете? – сказал я ей вслед.

– А тебе, друг мой, восемнадцать таблеток. И лежать. Всё теперь не так уж плохо. Слава Богу, туберкулёз у тебя закрытый. Но это, конечно, странно – на терапии заработать такую тяжёлую форму. Задал ты нам задачку, конечно...

Лежать.

Спрашиваю Джавада:

– Чего ты домой-то не спешишь? Я бы всё отдал, чтобы выйти отсюда...

– Сейчас здесь мой дядька, понимаешь, мой будущий тесть... Приехал... Я помолвлен. Со своей двоюродной сестрой... Ну, в общем, он тут по делам. Если меня сейчас выпишут, то придётся ехать с ним и жениться там, в Баку... А там перед загсом надо на ВИЧ сдавать... Понимаешь?! Тогда все узнают...

– Подожди. Ты биологию учил в школе хоть чуть-чуть? Ты понимаешь, что с близкими родственницами лучше не заводить детей?..

Джавад пожал плечами:

– Так чуть ли не вся Турция и пол-Азербайджана женаты на двоюродных. И ничего. Ты мне скажи лучше: почему, когда я восемь лет назад сюда переехал, мне никто не сказал, что надо тут аккуратнее с девчонками?.. Я думал разве, что тут у вас ВИЧ на ВИЧе?..

– Так ты всю жизнь собираешься скрывать, что у тебя ВИЧ? И от жены своей?

– Ну да, – снова пожимает плечами Джавад. – Я тут пока отлежусь, в Азер не поеду, через пару месяцев её привезут сюда... Какая разница, ей бы все равно пришлось переехать. У меня тут всё есть. Гражданство, слава Богу, мне его помогли получить до того, как я заразился... Своя точка на рынке, квартиру снимаю... Я-то думал, всё у меня тут сложилось хорошо, а видишь, как... Но я не унываю. Буду жить, пока живётся. Здесь свадьбу сделаем... Никто про ВИЧ не узнает. Вирусная у меня сейчас нормальная. Говорят, скоро будет неопределяемая, то есть я буду почти не заразный... Значит, ребенка, хоть одного, да можно сделать... Не хотелось бы, конечно, заразить ее... Вообще, я её почти не знаю, ну, сестру-то эту свою, невесту. Она из деревни из-под Баку... Мало мы общались... Она, если честно, на крокодила похожа. Ну, челюсть вперед сильно...

И он показал, какая у неё челюсть – выдвинул вперед подбородок.

– Так зачем на ней жениться? – оторвался от книжки безликий. Его, кстати, звали Егор, и работал он отнюдь не в

“Евросети”, а был институтским преподавом. – Мало того, что сестра тебе, так ты её и не знаешь совсем... А тебе же с ней жить...

– Да и челюсть к тому же... – встрял я.

– А что я могу поделатъ?! Так у нас положено, – ответил Джавад. – Традиции. Помолвку сделали, когда мне было восемнадцать, а ей вообще тринадцать. Я уехал учиться и работать сюда... Вот, поработал и поучился на хрен. Вичёвый теперь...

В кварцованном воздухе палаты повисла безысходность. В списке того, что я ненавижу в этой жизни, я мысленно поставил галочку напротив слова “традиции”.

Хорошо, что Джавад остался. Он подкармливал нас, остальных обитателей палаты. Родственники и друзья приносили ему огромные пакеты продуктов. В основном копченое мясо и фрукты. Джавад уверял диаспору: заразился туберкулёзом от своих грузчиков-таджиков. Что он лежит в отделении для ВИЧ-положительных, конечно, никому не говорил. Если б соотечественники узнали – наверняка забыли бы сюда дорогу...

Вскоре меня начали навещать и наши ребята из группы поддержки для людей, живущих с ВИЧ, которым о моём туберкулёзе рассказала Арина. Ко мне в палату их не пускают, и гулять мне ещё нельзя. Они передают мне еду, и я чувствую, что они за меня переживают. От этого колет в носу:

неужели есть на свете десятков людей, которым будет жалко, если я умру?..

Наше ВИЧ-отделение – на втором этаже. В состоянии вечного ремонта. Побелка носится липкой пылью по коридорам и палатам. Пол моют два-три раза в неделю. Душ не моют никогда – и там неизменно пахнет мочой и спермой.

Зато из окна смотришь – и не веришь, что этот паноптикум безобразного расположен в таком чудесном месте. Деревья, небо, лес.

Я тут уже три недели, и последнее время чувствую себя неплохо. Когда можно будет, наконец, выйти из палаты, мы увидимся с Ариной. Я представляю эту встречу каждый день. Только этими мыслями и жив.

И однажды было пять утра. Просто пять утра. Последний сеанс снов в преддверии нового больничного дня, который, как и предыдущие, будет тянуться медленной противной смолой. А я открыл вдруг глаза. Почудилось, будто кто-то играет на флейте. Совсем уже с ума схожу. Или...

Скрипнул пружинами, спрыгнул с кровати – и я у окна. На дереве, царапающем ветками наше окно, – она. Играет что-то похожее на “Smells like teen spirit”. Не было в моей жизни, кажется, зрелища более прекрасного. Как там древесные нимфы называются? Дриады, кажется...

Мечусь по палате. Не нахожу свою одежду. Правильно, мне же её еще не вернули... Хватаю джинсы Егора, они мне совсем не по размеру, но какая разница... И вот я внизу. Па-

ра синяков. Прыгнуть со второго этажа – ерунда. Как выяснилось.

...Мелькнула и исчезла мысль: почему мы не разговариваем? Только целуемся. Надо, надо говорить.

– Малышка. Говори что-нибудь. Пожалуйста, говори. Я это буду крутить в голове и не сойду с ума.

– Я не знаю, что...

– Как ты живешь, что делаешь?..

– Без тебя я только целыми днями смотрю всякую хрень по TLC и ем. Ем, ем, ем. Никуда не хожу, всё мне осточертело. Даже скандалить с мамой. Я просто её не замечаю. Володя от неё ушел. Она и в этом меня винит... А я целыми днями вспоминаю наши полгода.

– Семь с половиной месяцев...

– Я все время думаю. Вот скажи, почему серьезно болен именно ты? Ты молодой, умный, красивый. Ты можешь стать учёным, принести пользу людям. А большинство? Кто они?.. Менеджеры, продавцы, охранники, бухгалтеры... Живут, как будто у них впереди еще десять жизней. Только жрут и срут, изредка совокупляются, рожают таких же никчемных детей... Почему бы им всем не сдохнуть вместо тебя одного?..

Я улыбаюсь:

– К нам тут приходили из какой-то неведомой полуцеркви-полусекты... Такое задвигали... Что мы чуть ли не избранные Господом, раз у нас такой диагноз. Ну, типа, нам

надо торопиться познать Бога и все такое. Погоди-ка, вступлю в эту секту и начну гордиться, что я положительный...

– Ты во всём положительный. Намного положительнее, чем все... Тебе тут, наверное, скучно?

– Невыносимо.

Она достала из рюкзака планшет и протянула мне:

– Вот. Пиши. Напиши всё-всё-всё про нас.

– Зачем?

– Ну как зачем? Всё, что с нами происходит, мы расскажем нашим детям и внукам. И как расскажем? В двух косматых предложениях. И они совершенно не поймут, что мы пережили и что чувствовали. А если ты напишешь, это будет совсем другое дело...

Вот тогда-то я всё это и начал писать. Дни в больнице теперь казались не такими уж и бесконечными.

– Ну ты даёшь, старина! – внезапно надо мной, сидящим в очереди на анализы, навис Санпалыч. – И как тебе в голову пришло с ВИЧ устроиться в морг? Я от тебя не ожидал такого. Ты всю жизнь с диагнозом. И прекрасно знаешь, что жизнь с ВИЧ – это прежде всего самодисциплина.

– Там хорошо платили, – развёл я руками. – А мне нужны деньги...

– Деньги, деньги!.. Да ты чуть на тот свет не отправился!.. Деньги ему были нужны...

– Ну, не так уж я и затянул, – возразил я. – Просто он что-

то очень быстро развился... Я не ожидал...

– Да ты снимок свой видел?! Не затянул он...

– Да кто ж мне тут его покажет...

– Конечно, сейчас тебя, старина, подлечат. Но бесследно это не пройдёт. Жизнь ты себе сократил...

Я молчал. Мне было слегка стыдно.

– Я понимаю, – продолжал Санпалыч, – ты всегда хотел быть врачом. Работая в морге, ты был близок, так или иначе, к тому, чем, видимо, хотел, хочешь заниматься...

– Дело даже не в этом, – хмыкнул я (хотя он озвучил одну из главных причин, что держала меня в морге). – Я же сказал вам – деньги мне были нужны. Я стал жить с девушкой. На стипендию и сиротскую пенсию это невозможно...

Он потёр переносицу, а потом заговорил очень тихо. Так всегда говорят, когда хотят, чтобы слушали особенно внимательно.

– Конечно, с твоей точки зрения, я скажу крамолу... Но ты всё-таки послушай. То, что ты влюблен – это замечательно. Но у тебя была жизнь до любви и, вполне вероятно, будет жизнь после любви. Молчи! Молчи! Не перебивай! – воскликнул он на мой протестующий жест. – Я настаиваю: возможно, и скорее всего, то, что с вами сейчас происходит, не навсегда. Сейчас вы влюблены и счастливы тем, что влюблены. Вы совершенно не думаете о завтрашнем дне, и это, конечно, абсолютно нормально для вашего возраста, так и должно быть. Но всё же очень важно не наделать непоправи-

мых ошибок. Потому что любовь, возможно, уйдёт, а жизнь твоя останется с тобой...

Я демонстративно зевнул. Я хотел, чтобы он этим оскорбился и отстал от меня со своими преступными увещеваниями.

– Ну ладно, иди сдавай кровь, а потом в палату, – ободряюще сказал Санпалыч. – Но всё-таки подумай над тем, что я тебе сказал.

– Не буду я думать. Я без любви жить не собираюсь. Я всю жизнь, пока не познакомился с ней, и так жил, как... как в подвале... А мимо проносилась жизнь, где все всех любили, ценили и защищали. Но только не меня. И я привык к этому, и я думал, не надо мне ничего. Мне было смешно, когда я слышал, что любовь – главное в жизни. Но теперь-то я знаю, что так оно и есть. Так что моя жизнь теперь может быть только жизнью с любовью, и никак иначе. Блин, я несу какую-то сопливую ерунду... Но это правда.

– Может, ты и прав, – пожал плечами Санпалыч. – Пожалуй, мне тоже есть над чем подумать. Иди, иди, старина...

Перед тем, как занести ногу над лестницей, я оглянулся, чтобы удостовериться, что он задумчиво, как в кино, смотрит мне вслед. Но в коридоре было пусто.

Кирилл был всё время чем-то недоволен. Мы слишком шумели, не давали ему спать, наши разговоры были тупыми, цвет стен блевотным, еда – отвратительной.

Это, конечно, норма для наркомана. Трезвая жизнь кажется ему абсолютно безрадостной. Я это понимал. Меня он своим ворчанием не раздражал, а вот Джавада и Егора – ещё как.

Кириллу – двадцать четыре, системщиком он стал в семнадцать и, видимо, примерно тогда и получил ВИЧ. Он и сейчас бы торчал, но три года назад попал в тюрьму. ВИЧ на зоне быстро прогрессировал: Кирилл почти ослеп на один глаз, стал прихрамывать, ну, и, конечно, заразился туберкулезом. С ним-то сразу после отбывания срока он сюда и попал. Лечение ему выхлопотала его тётя, которая, в отличие от остальных родных, ещё верила, что Кириллу впереди светит что-то, кроме крышки гроба.

На старости лет у неё, как в анекдоте, было если не сорок, то десять кошек точно. И больше никого и ничего. Наверно, поэтому за спасение Кирилла она взялась с особым энтузиазмом. Но сам Кирилл спастись не хотел. Он круглосуточно ныл, что как только он отсюда выйдет, то грабанёт тетушку, наскребёт тем самым на золотой укол и, наконец, содохнет.

– Нахер с вичуганом жить? – сокрушался он. – Вот как ты живёшь всю жизнь, не понимаю? Не, я пока торчал, мне нормально было, ну, то есть я не думал о нем. Что есть этот вирус, что нет... Но трезвым это же просто невозможно...

– Что невозможно? – интересуюсь, хотя ответ предполагаю.

– Посмотри на меня. На кого я похож? Я смерти боюсь.

Каждый день думаю про этот чертов СПИД...

– То есть как колоться ссаным баяном – так смерть не страшна, а когда от тебя требуется-то всего лишь по времени пить таблетки и трахаться в резинке – сразу смерть на горизонте виднеется? Так, что ли?.. – в своем обычном издевательском тоне спрашиваю я.

Представляю, как зашипела на меня бы сейчас Арина. Наркоманов она очень жалела и говорила, что правильно называть их “ПИНами” (потребителями инъекционных наркотиков). Это чтоб не обидеть.

– Ты просто толком и не жил трезвым. В детстве только. И на зоне. Я бы на твоём месте тоже не знал, как жить... Тут не в вирусе дело... – продолжаю я.

– И что мне делать? – спрашивает Кирилл и смотрит на меня, как щенок, которому прищемили хвост.

– А я откуда знаю?! К “Анонимным наркоманам” сходи, тетка тебя всё тянет туда...

Кирилл энергично мотает головой:

– Не, у них там духовность всё какая-то. Верить во что-то надо. Херня это всё...

– Тогда ваши предложения, друзья, – иронически обращаюсь к остальным обитателям палаты. – Как будем спасать Кирюшу?..

Джавад нахмурил монобровь:

– Вот если б наркоманы, с***, знали, что их ждёт смертная казнь, сто раз бы подумали, прежде чем эту гадость про-

бовать, да... А так – делай что хочешь, себя убивай, другим продавай, ужас, да... Не хочу поэтому, чтоб мой сын рос тут. Жену свою, когда родит, отправлю в деревню на родину. Пусть там ребенок растёт, да...

Егор оторвался от очередной книжки:

– Свой ВИЧ надо принять. Могу только посоветовать почитать Эрве Гибера, например. Но, думаю, в случае Кирилла это не актуально...

Кирилл бьет кулаком по стене. Штукатурка слетает, обнажая холодный камень.

Мы встретились с Ариной в туберкулёзном лесу. Она обрехала дреды. Теперь у нее была короткая стрижка с выбритыми висками. Новая причёска заострила её скулы и сделала глаза большими и печальными. Или не причёска...

В тот день она прогуливала уроки. Рассказала, что ходила с мамой к Санпалычу.

– Я была уверена, что он её убедит в том, что ты не опасен. Ну, врачу-то надо доверять. Но нет. Как об стенку горох... А он ещё и обмолвился про твоих родителей...

– Да уж, удружил старик...

– Ему пришлось... Он рассказал, как ты заразился. Она думала, что ты половым путем, но ведь нет... Она заистерила ещё больше. Сказала, что у тебя генетика и всё такое.

– Она права, вообще-то, – ржу я. – Именно поэтому я никогда не буду ничего употреблять. Знаю, что сторчусь с пер-

вой дозы...

Она помолчала.

– Ладно, это всё неважно, – продолжала Арина. – Она залезла ко мне в телефон, прочитала нашу переписку, теперь знает и про тубик, и что я хожу сюда. Она меня отправляет в село к своей сестре за 400 км отсюда... Хочет оставить меня там на лето и одиннадцатый класс... Я, конечно, угрожаю ей самоубийством...

Новость почти уничтожила меня, но я надел оптимистичную маску.

– Беда в том, что если часто угрожать самоубийством, это перестает действовать, – с улыбкой сказал я. – Я тебе вот что скажу. Не сопротивляйся. Послушайся её. Пусть она успокоится. Скажи ей, что мы расстались. А когда меня выпишут, я тебя заберу, и тут уж она поймет, что разлучить нас невозможно.

– Ах ты дипломат хренов!.. Как меня всё это достало. Мне всего-то надо, чтобы я могла быть с тобой. Что за чёртовы хитрости, выдумки, что за жизнь...

– Вот такая плюс-жизнь, – я прижимаю её к себе. – Вирус, с***... Всё живое хочет убить.

Она отрицательно покачала головой и ответила с горечью:

– Нет, вирус здесь ни при чём. Это всё люди...

Егор не рассказывал, как заразился. Да это, в общем, и не важно. Нет разницы, как ты получил вирус, главное – как ты

с ним живешь.

Он смаковал своё одиночество. Это присуще многим интеллектуалам. Умникам. Я тоже ведь такой, хоть и не очень умный. Но я отчуждён с детства. Отчуждён и отчуждаем. Если б я не родился с ВИЧ, а приобрёл его, как большинство, думаю, я бы, наоборот, старался прибиться к людям. Я бы убеждал себя: надо жить прежней, нормальной жизнью. Предполагаю, у меня бы получилось. Но, увы, я ни дня не жил как все.

Егор получил “плюс” в анализе на ВИЧ девять лет назад и не пил терапию, дойдя до терминальной стадии. Это было почти невыносимо, но его вытащили с четырёх клеток. Вам неизвестно, но норма – пятьсот и больше. Пятьсот. Когда ему вылечат окончательно туберкулёз и поднимут иммунный статус, он поедет домой. Сможет жить и работать как все. Врачи – всё-таки полубоги.

– Почему ты столько лет сидел без терапии? – спрашиваю.

– С того момента, как узнал, страшно стало жить... Я прекрасно понимал: надо лечиться, само не рассосётся, но не предпринимал никаких шагов, пока не осознал, что уже конец... Я не мог и себе-то признаться в том, что болен, уж что говорить о других. Ужасный страх. Ужасный. Я понял, что много читал книг о смерти, но ничего из них для себя не вынес, раз так боюсь.

– Ну, хоть маме-то мог сказать? Мама у тебя хорошая? Поняла бы, наверное, поддержала?..

– Что ты, мне жаль её. Кто-то из великих сказал, мол, правду надо сообщать, будто надеваешь другому пальто, а не швыряя в лицо, как мокрое полотенце. Но правда о ВИЧ у близкого всегда будет мокрым полотенцем. Понимаешь? Я скорее умру, чем расскажу про свой ВИЧ. Вокруг меня никто не знает. Никто... Знала только одна девушка...

– Ну, девушка – это уже неплохо...

– Я написал диссертацию на тему онтологии человеческой телесности. Пытался и вируса коснуться, в частности. Но научрук эту главу зарубил. Сказал, что я притягиваю за уши то, что не имеет отношения к теме. Тогда я отказался от защиты диссертации. Плюнул на них всех. Но никто мне не мог запретить говорить на лекциях то, что считаю нужным. Там я мог разгуляться. Фуко, тот же Гибер... Так вот, о девушке. Была одна студентка у меня, она догадалась, что я болен. Её интересовало, как я с этим живу... Она поделила мою боль. У нас завязались отношения. По-своему это было чудесно. Представляешь, она хотела, чтобы я ее заразил!..

– Бывают же дуры... И ты заразил?

– Нет... Но и недолго мы вместе были. Я знал, что у меня мало времени, жаль было тратить время на эту возню... Я всё думал, что делать со своей болезнью, ну, в смысле, как её использовать. С диссертацией не вышло. Хотел снимать свои дни на камеру, ну, как Эрве Гибер... Но это вторично. Книжку написать? Художественная литература – это не моё. Сейчас вот рисую карандашом... Но кому это надо?..

– Ты её так любишь – свою болезнь, – заметил я.

– Есть такое, – с некоторой даже нежностью ответил Егор. – У меня, кроме неё, никого и ничего не осталось. Каждую минуту прислушиваюсь к себе. Что у меня нового?.. Где-то пятнышко, или лимфоузел вылез, или тошнота на лекарства... Но это и любовь, и ненависть. Я готов все виды терапии на себе испытать! Вакцину, если изобретут...

– Романтизируй ВИЧ как хочешь, но надо понять одно: здорово мы попали... – сказал я. – Я не могу подчиниться болезни. Надо как-то умудриться жить с ней, но при этом ей противостоять.

– Тоже романтизируешь, – отозвался Егор.

Конечно, он был прав.

На нашем этаже стоял полуживой телевизор. Показывал отвратно, но звук был громкий. Из коридора в тишину палаты то и дело врывались “Битва экстрасенсов”, “Дом 2” и канал “РЕН ТВ”. Последний болящие особенно любили за сладкий его елей: ВИЧ не существует, рак излечивается содой, а туберкулёз – медвежьим салом.

Обильно пытались нас полить и религиозными сиропами. Самыми разнообразными. Пока я лежал, к нам в отделение успели наведаться полуофициальная православная делегация, воодушевлённая неопротестантская компашка и странная парочка в венках и с бубнами (эти обещали научить нас “дышать пятками”, утверждали, что такое дыхание – ключ к

здоровью).

Кирилл, ничуть не отвлекаясь от планшета, спрашивал каждого проповедника: нахера мы, вичушники, вам сдались?! Собственно, такой же вопрос был и у меня. Несмотря на разность своих воззрений, отвечали они примерно одинаково: там, наверху, вас любят и хотят, чтобы через болезнь вы пришли к Богу. Причем все утверждали, что у них в общинах есть ВИЧ-положительные, которые чуть ли не исцелились.

– То есть, – сказал я (уж не помню, кто в тот раз был моим оппонентом). – Вы предлагаете нам сделку? Будь хорошим или даже не так: стань одним из нас – и на земле полегчает, и на небе рай, верно?

Разумеется, тут же поджимают губы. Типа не это имели в виду. Ну а что, как не это? Что вообще такое их жизнь, тех, кто подчиняет себя массе обрядовых запятых, если не сделка?..

Я так жить не хочу. Да и если бы хотел, не смог.

В те больничные дни, несмотря на бесстыдно расцветающую за окнами весну, я был еще более пессимистичен, чем обычно. Казалось, что вновь настали мои безысходные тринадцать лет с гнетущим одиночеством, невыносимой бабушкой и каждодневным страхом смерти. Как отвлечься? Листая ленту инстаграма, конечно... Ведь в инстаграме у всех всегда всё хорошо. Может, и у меня так будет?.. У нас с ней...

Однажды утром инстаграм подсунул мне фото детских ножек в розовых пинетках с подходящими к этому случаю тегами. Это Ася родила. Здоровую и пухлую девочку, которой дали столь же пухлое имя – Соломия.

Ася и Назар – звёзды в нашей группе поддержки для ВИЧ-положительных. Оба давно с плюсом. Познакомились пару лет назад, на одном из собраний. Оба в прошлом употребляли. Последние годы Назар работает в программе реабилитации для наркозависимых, а Ася – *фандрайзером* (вот это словечко!) в благотворительном фонде, который помогает людям с ВИЧ. Поговаривают, что оба этих проекта скоро закроют... Но ребята – оптимисты. Верят, что и дальше смогут помогать таким, как мы.

Я написал дежурное “Поздравляю!” к фотке с пинетками, и Ася тут же пригласила меня на выписку из роддома и праздник по этому случаю. Прогуглив, памперсы какого размера положено покупать новорожденным, я двинулся к роддому.

У входа стоял Назар, поддерживая за локоть свою бабушку. Приехала она аж из Черновицкой области. Бабушка очень волновалась. Наверное, в такой степени, в какой в семьдесят лет лучше не надо.

– Может, это я её, внучку-то, в первый и последний раз вижу... Надо пока держаться, – повторяла бабушка.

– Тю, бабуса – говорил Назар. – Ты ещё Соломийку под венец проводишь...

– Под венец, – прошипела курившая рядом роддомовская акушерка и вдруг кивнула мне: – Слушай, ты же ведь их друг? Ну, этих, Музычко?.. Знаешь же, что у них обоих болезнь неизлечимая, ты в курсе, какая... А они рожают... Тыфу ты!.. Ну ты-то вроде нормальный парень, дружишь с ними, почему ты им не сказал, ну куда вам, наркоманам, рожать?!

– Может, я им ещё должен был сказать: куда вам, спидозным наркоманам, жить на белом свете? Ведь, – я взглянул на её бейджик, – Юлия Иванова, акушерка первого родильного отделения, хочет, чтобы вокруг неё были только такие же юли ивановы, и больше никого...

– Придурок, – сказала Юлия Иванова и, смерив меня презрительным взглядом, удалилась.

Тут, наконец, вышла Ася. Спешно передав четыре килограмма кружев Назару, она бросилась целоваться и обниматься с друзьями и родными и улыбаться в несколько объективов разом. Говорю же – она у нас звезда... Моя Арина повторяет, что, “когда вырастет”, хочет быть как Ася.

Они зазвали меня к ним домой. Сказали, что бабушка привезла с Украины “такое сало, которое быстро поставит меня на ноги”.

– Бабушка-то про ВИЧ в курсе? – шепчу я Асе.

– Ну, конечно, – смеётся она в ответ. – Бабуся! Ну-ка толкни нам свою ВИЧ-теорию.

– А? Шо то воно ваш вірус? Не голод й не война – то є

головне. Я голода не знала, дякувати Господові Богу. А осьмати моя були казали, що її леда чи не з'їли. Було їй двадцять років в тридцять другому, вона на Київщині жила. Гналися-гналися за нею, та вона впала долі в яр... Вони й подумали, що вона вмерла, розбилася, ніхто за нею не поліз, та й відки на це сили... А вона вибралася... Хоч була пухла вже від голоду... Потім батько мій її побачив, полюбилися вони... Забрав до себе, де не такий голод був, а з сорок п'ятого, коли батько з війни вернувся, вони на Буковині оселилися – там я і світ Божий побачила, отако... А ви кажете: віруси, віруси... Да які віруси!.. Зараз все лікують. Головне, абись люде один одного не їли...¹

Соломия, ktorую велено было называть просто Мией, сытая, спала в кроватке. Я впервые в жизни видел человека пяти дней от роду. Всегда думал, что у младенцев спокойные и безмятежные лица, а оказалось, нет. Лицо Мии частенько вздрагивало, по ресницам будто пробегал ветерок, уголки рта то опускались, то поднимались. Казалось, она только притворяется, что спит, а на самом деле размышляет, что же

---

¹ А? Да что ваш вирус? Не голод и не война – вот что главное. Я голода не знала, слава Богу. А вот мать мою чуть не съели. Ей было двадцать лет в тридцать втором году, она на Киевщине жила. За ней гнались-гнались, но она упала в овраг... Они подумали, что она умерла, разбилась, никто за ней не полез, да и откуда на это силы... А она выбралась... Хотя и пухла уже от голода... Потом её мой отец увидел и полюбил... Забрал к себе, туда, где не такой голод был, а с сорок пятого, уж когда отец отвоевал, они на Буковине обосновались – там я и родилась... А вы говорите – вирусы, вирусы... Да какие вирусы!.. Сейчас всё лечат. Главное, чтобы люди друг друга не ели... (Пер. с буковинского наречия укр. яз.)

ей теперь делать на этой планете.

– Ну что, Мийка, отрицательная дочь положительных родителей, – сказал я ей. – Попробуешь сразиться с миром?

– На хрена мне сражаться? – словно возражала мне Мия очередной сонной гримаской. – Я хочу просто жить.

И если она так действительно подумала, она была абсолютно права.

Выглядел я, по правде говоря, ужасно. Вес возвращался неохотно, глаза ввалились, заострились скулы. Бледный я был, как больничный потолок. Несмотря на это, у местных девушек я был популярен. К своему удивлению, я заметил, что романы здесь были не редки. Хотя это и объяснимо – слишком долго тут обычно лежат, почему бы со скуки не замутить?.. У меня, конечно, таких мыслей и не было: Арина и здешние обитательницы очень контрастировали...

Частенько в туберкулезном лесу я болтал с девчонкой с первого этажа. У нее была одна из самых незавидных разновидностей туба. Острый миллиарный. Здесь она лежит уже больше года.

Я спросил, почему её не навещают родные, и сама она не уходит на выходные. Оказалось, с семьёй не общается.

– Как я могу относиться к своим родителям, если они называли меня Клава?! – она мусолит краешек скатавшегося китайского халата. – Я всегда у них была толстая, страшная, тупая. Отговорили в универ поступать. Какой тебе, мол, уни-

вер, иди учись на товароведа в техникум... У подруг у всех парни, отношения, а я вечно одна. И тут, понимаешь, реально, как в сказке. Звонок телефона. “Клавдия, увидел тебя “ВКонтакте” и сразу понял, что ты – моя судьба”. Именно так он и сказал. Ну, какая бы на моем месте устояла?.. И не надо так улыбаться...

– Я бы не улыбался, если б вчера ты мне не сказала, по какой статье он был осужден...

– И что смешного? – оскорбилась Клава. – Ну да, за изнасилование. Но она Славку оговорила. Все было по согласию. А она его подставила. Синяки сама себе сделала. Она от него избавиться хотела. У неё новый хахаль уже был, бывший мент. Конечно, у них там все схвачено, у мусоров...

– Ты не боялась его?

– Нет... Тот, кто так говорит, такие письма и смс пишет, точно никого не мог изнасиловать. Нет, не то чтобы он мухи не обидит, я так не говорю... Он и за разбой сидел раньше, и за кражу. По молодости, по глупости... Он такое мне говорил. Столько нежности, любви. Страсти...

Последнее Клава говорит полушёпотом, с придыханием. Мой рот опять растягивается в улыбке.

– Ну и дурочка же ты, – говорю. – Он же использовал тебя явно. Продукты ему присылала, деньги на телефон, да?..

– Ну конечно. Но он себя очень ругал, что берет у женщины деньги!.. Говорил, на воле себе не позволял такого. Обещал, что выйдет, заработает – в сто раз больше мне отдаст.

– Отдал?..

Клава помрачнела:

– Нет, не отдал... Я его встречала с зоны. Он был так рад. Как ребенок. Сказал, я одна у него на этом свете осталась. Я работала тогда в магазине, уже год как, зарабатывала более-менее... Квартиру сняла – не с моими же родителями жить. Они от меня вообще отказались, как только узнали, что я с зеком связалась. И там пошло-поехало. Пьянки-гулянки. Друзья. Бабы какие-то... И тубик один сиделец бывший нам принес...

– Что ж ты их не выгнала, да и Славку своего тоже? Нафига такое счастье?

Она пожимает плечами:

– Не знаю... Надеюсь, наверно.

– Вот и донадеялась. Он же подставил тебя.

– Сама виновата, – вздохнула Клава. – Не надо быть такой дурой. Для меня и тыща-то баксов – немаленькие деньги, а уж что говорить про пять. Он говорил, что деньги нужны, чтоб взятку дать... И дальше он начнет работать, магазин откроет, мы заживем... Ребёнка родим. Слава тебе господи, я хоть не залетела от него... Занять мне не у кого было. Только соседка на ум пришла. Лучше б она отказалась тогда давать мне в долг. Славка с её деньгами пропал... Потом я узнала, что его опять посадили за разбой. Взяла кредит – отдала соседке деньги. А мне вот проценты капают... Иногда от мыслей, как дальше быть, – хочется в петлю...

– А сейчас, когда он снова сидит?.. Опять перезваниваетесь, переписываетесь?..

– Нет, ничего о нём не знаю. Только знаю, что в Иркутской области...

– Он, наверно, новую себе нашёл.

– Может быть.

– Любишь его до сих пор?

Клава отвечает не сразу.

– Не знаю... Много было такого, что я люблю вспоминать. Всё-таки я счастливая с ним была. Как никогда в своей жизни. Но, конечно, я понимаю, это он во всем виноват, что со мной случилось. И долг, и тубик... Хорошо, хоть ВИЧ мне не принес...

И тут же осекается:

– Ой, извини, пожалуйста!.. Что я говорю...

– Да нет, ты права. Это действительно прекрасно...

В тубдиспансере пили все, кто еще не был отправлен в морг. Ну ладно, почти все. Всё-таки не только маргиналы были здешними постояльцами. Хватало и тех, кого принято называть нормальными: благого вида старушки, филологические студентки (они, Тася и Сима, говорили мне: “Теперь мы к Чехову относимся совершенно особенно!”), жилистые деревенские мужички, до последнего жевавшие сушёные медведки, прежде чем обратиться к врачу... А еще ходили слухи, что в отдельной хорошей палате тут лежит ра-

ботница мэрии, которая на протяжении нескольких лет варила собак в надежде на излечение от туберкулёза. Всякие, в общем, были люди...

На все предложения выпить я отвечал отказом. Хотя синька бы непременно скрасила мое пребывание в этом чудовищном месте, но ради своей печени (ежедневно я печалил её восемнадцатью таблетками) я решил оставаться в трезвом режиме. Да и понаблюдав здесь за теми, кто беспробудно пробухал всю свою жизнь, видя их беззубые шамкающие рты, изъеденные палочкой Коха глаза, жёлтые пальцы и бугристую кожу, я чуть ли не дошел в своих убеждениях до крайнего ЗОЖ.

Однажды Кирилл притащил какое-то сатанинское пахучее зелье. Егор и Джавад попробовали, но сказали, что пить это невозможно.

– Ну ладно, – сказал пребывающий в неожиданно веселом настроении Кирилл. – Раз не хотите, буду один пить за свою новую жизнь.

– К “Анонимным”, что ли, решил пойти? – спрашиваю.

– Не, – мотает головой Кирилл. – На море поеду.

Мы переглядываемся, мол, ну не идиот ли.

– Я посмотрел “Достучаться до небес”... Всё во мне перевернулось. Я никогда не видел море...

– У тебя иммунный статус ни к черту, какое море?! – реагирую я. – Тебе надо долечить острую стадию туба и пить уже нормальную схему против вируса. А то на зоне ты ту еще

резистентность схлопотал. Понимаешь? А потом уже море... Да и на какие деньги ты собрался ехать?

– Ради такого найду денег... Я хочу, понимаешь, хочу! Нет, я мечтаю! Я что, не имею права съездить раз в жизни на море? Сколько мне осталось?.. Неизвестно ведь, вылечат меня или нет... А так, хоть что-то хорошее в жизни увижу.

– Туда придется брать с собой себя, – сказал Егор. – От себя не убежишь. На море тебе будет так же паршиво. Не обольщайся. Я за девять лет с ВИЧ где только не был... Верись, на душе легче не стало.

– А мне станет, – с детским упрямством твердил Кирилл. – Я знаю.

У Джавада навернулись слезы. Он был самым добрым из нас.

– Слушай! – сказал он. – Давай я тебя на Каспийское море отвезу, как только выйдем отсюда, да? Бесплатно! Жить там есть где. Примут хорошо...

– Каспийское море – это на самом деле озеро, – вставил Егор.

– Да какая разница?! – эмоционарует Джавад.

– Нет, я на настоящее море хочу, – морщась от своего адского напитка, говорит Кирилл. – Которое не озеро...

– Ласты, маску подарить тебе?.. – подколот его Егор.

Мы смеёмся над Кириллом. Он привычно обижается. Хотя я чувствую – мыслями он не с нами. Он там, на море, которое увидел в этом попсовом, только на территории бывше-

го СССР культовом фильме.

На самом деле, зря я над ним издеваюсь. Каждому нужна анестезия. У него сначала был героин, теперь вот – мечта о море.

А у меня была Арина. И точно так же сейчас – о ней мечта.

– Как ты там?

Более безразлично может звучать только вопрос “Как дела?”. Ох уж мне эти телефонные разговоры.

– А как бы ты себя чувствовал в посёлке, который называется Пролетарский?.. – ворчала в ответ Арина. – Школа здесь лажовая. Люди вообще... жуть... Мне уже досталось и за татуировку, и за пирсу.

– Что значит “досталось”? – волнуюсь я.

– Да я не в том смысле. Тетка моя увидела меня – давай орать. Она-то меня помнила такой, какая я была в тринадцать лет, когда мы виделись последний раз... Ребята здесь тоже, сам понимаешь. Я ни с кем не общаюсь, кроме своей двоюродной сестры... Хорошо хоть, учебный год скоро закончится. Месяц осталось продержаться. Потом засяду одна в комнате. И так и просижу до осени, пока тебя не выпишут.

– Напишешь свой вариант нашей книги?

Она только печально вздохнула. Оба мы были там, где быть не должны.

– Пейзаж тут... – продолжала Арина. – Памятник Ленину и три елки. Выть хочется. А нам задали написать реферат

“Культурное наследие Пролетарского”. Какое, на хрен, культурное наследие?!

– Ну не накручивай себя, маленькая. Смотри. Через четыре с лишним месяца сентябрь. В том сентябре мы познакомились, а в этом сентябре будем снова вместе... А может, все-таки уговоришь маму, чтобы хоть на пару дней приехать домой?..

– Не хочу я домой. Мама помирилась с этим своим... Видеть опять, как он яйца почесывает и ходит, как хозяин, по квартире – нет уж, не хочу... Хочу только быть с тобой... Но не час в диспансере. Часа очень мало. Лучше уж буду тосковать, пока не получу тебя целиком.

– Меня не перетоскуешь.

Это была правда. Тосковал я ужасно. С того самого дня, как она уехала, я постоянно думал: что мешает мне сорваться и поехать за ней? Плевать на туберкулёз. Долечусь как-нибудь. И она, я знаю, в глубине души ждала: неожиданно я ворвусь в этот чёртов Пролетарский, заберу её и... Неважно, что будет потом, что судьба мне просто так её не отдаст.

Так что мне мешает? Малодушие. Жизнь приучила меня сидеть тихо и не высовываться лишний раз. А ведь когда, как не сейчас, совершить безрассудный поступок... Но нет, не хватает духа. Послушно выкладываю таблетки в три ряда, гуляю по лесу, стреляю у Егора пессимистичные книжки.

А ведь она для того, чтобы быть со мной, ушла из дома. Перессорилась со своими друзьями, оказавшимися СПИДо-

фобами. По деревьям на рассвете лазила, чтобы увидеть мою туберкулезную рожу. А я, что сделал для неё я? Почему я такое чмо?..

Боюсь, что разлюблю её. Что значит разлюбить? Не испытывать трепета при воспоминании: а какие у неё запястья, как она хмурит лоб, где у неё родинки... Я уже от неё отвык. Надеюсь, это не означает, что разлюбил.

Нет, ничего не изменилось. Если б не любил, не просыпался бы каждое утро, что довелось встретить без неё, с матерным монологом о тщетности жизни в голове.

– Ася, мне правда дико неудобно, – нелепо оправдываюсь, разглядывая яркую тряпку, внутри которой, крепко привязанная к маме, спит Мия. Дурацкой вдруг кажется моя спонтанная просьба, из-за которой Ася вырвалась из их, должно быть, идеального семейного мира на улицу Больничную, дом 1 “в”. – Но я вспомнил, что ты мне рассказывала про хоспис... И я подумал, что, может быть, мне разрешат туда приходить... Понимаешь? Я много чего могу. Ну, там капельницы ставить, пролежни протирать...

– Почему не хочешь у себя в тубе этим заняться? От туберкулеза, сам знаешь, наши чаще умирают...

– Заведующая вытаращила глаза и услала меня в палату. Не надо, говорит, мне волонтеров никаких. Знаю я вас, говорит, настраиваете больных против врачей...

– Ладно, пойдем в хоспис, – согласилась Ася и с улыбкой

добавила: – Кстати, много ты пролежней-то за свою жизнь протёр?

Я смутился:

– Ну, с теорией я хорошо знаком...

И мы двинулись к паллиативному отделению местного ракового корпуса. От моего диспансера его отделяет дивный туберкулёзный лес. Утешаю себя: хоть просьба моя и бестактна, с младенцем, наверное, полезно гулять среди деревьев...

Заведующий отделением нас ждал. Вернее, Асю. К ней, как я понял, он относился благосклонно – она несколько лет, вплоть до родов, приходила сюда и помогала персоналу. А вот я оказался для него сюрпризом.

– По-моему, молодой человек, вы – первый больной ВИЧ, не считая Аси и её мужа, который выразил желание помогать нашим больным на таких вот волонтёрских началах. Ася долго к нам ходила... Но, знаете, у нас сейчас двенадцать человек с онкологией на фоне ВИЧ... Наши медсёстры в принципе справляются. Я даже не знаю, нужны ли вы тут...

– Я нужен, – отчеканил я. – Я здесь необходим.

– Да? – удивился заведующий. – Почему же вы так уверены, позвольте спросить?

– Потому что если я им буду ставить капельницы, то резиновые перчатки надевать не стану... Мы сейчас шли по коридору... Так ваша медсестра отрицательному больному ставит капельницу голыми руками, а нашему, вичёвому, из

той же палаты её же делает в перчатках... Зачем вы унижаете людей? Даже тех, кому осталось всего ничего?..

Он развёл руками.

– С этим я ничего не могу сделать. Люди боятся. Вот и всё. Хоть и знают, что не заразятся, а страх этот никуда не деть. Что, мне воевать с моими пятидесятилетними медсёстрами? – усмехнулся он. – Я так один останусь...

– Вот и пусть Лео ходит к ним, как мы с Назаром до недавнего времени. Постель поменять, покормить тех, кто уже ложку не держит, поговорить о чём-то, посмеяться, поплакать, – убеждала Ася.

– Ну, всё же я больше настроен на капельницы и протирание кожи, – сказал я. – Болтать-то каждый может...

– Может-то может, – ответила Ася. – Вопрос в том, о чём болтать...

– Сама знаешь, многие приходили, хотели волонтировать, а в итоге только вы с Назаром и остались... Ну ладно, пусть молодой человек приходит! Найдём мы ему занятие, раз ты за него ручаешься, – завершает беседу заведующий.

– Я уверена, что Лео всё-таки станет врачом, он мечтает быть хирургом... – сказала Ася. – Пусть это будет его первым шагом в медицине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.